Девушка в темной реке

Автор:
Лорет Уайт

Девушка в темной реке

Лорет Энн Уайт

Высшая лига детективаЭнджи Паллорино #3

Детектив Энджи Паллорино заслужила скандальную известность благодаря своим расследованиям – всегда громким, всегда на первых полосах СМИ. Сама Энджи не хотела такой славы, это только осложняет ей работу. Но когда во время отдыха на берегу реки она и ее жених находят во мху останки молодой женщины, ситуация окончательно выходит из-под контроля. Газеты снова пестрят фотографиями Энджи, и вскоре ей настойчиво предлагают заняться частным расследованием, на которое она, однако, не имеет права без специальной лицензии. Но разве Энджи это когда-нибудь останавливало?

Лорет Уайт

Девушка в темной реке

Loreth Anne White

The Girl in the Moss

© 2018 by Cheakamus House Publishing

© Anna Shvets / Gettyimages.ru

© Dynamoland / Shutterstock.com

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Тем, кто разыскивает пропавших

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

Бытие, 2:9

Пронизанное тайной

Сентябрь 1994 года

Сумерки на пятьдесят первой параллели наступают медленно, хотя уже и небо окрасилось в глубокий индиго, и крохотные белые звезды прокололи его плотный полог, дрожа в вышине, как золотая пыль. Похолодало – в конце сентября здесь уже чувствовалось ледяное дыхание близкой зимы. Клубящаяся, какая-то призрачная водяная дымка висела над белым пенным потоком оглушительно грохочущего водопада Планж. Вечерний туман окутывал лес плотным одеялом, играя в пикабу с зазубренными вершинами окрестных гор.

Осторожно ступая по скользким камням вдоль Наамиш с ее коварными водоворотами, таившимися под обманчивой зеленоватой гладью, женщина

остановилась, засмотревшись на тучу мошек, которые уже начали носиться над непрерывно меняющейся поверхностью воды. Царивший вокруг необыкновенный покой казался физически ощутимым, как легкое одеяло, наброшенное на плечи. Охваченная азартом, женщина присела на корточки и достала из нагрудного кармана жилета коробку для мушек размером с бумажник. Открывая серебристую коробочку, она прислушивалась к грохоту водопада ниже по течению. Порыв ветра вдруг пронесся над лесом, и деревья на высоком берегу глухо зашумели. Выбрав крохотную сухую мушку, неотличимую от тех, которые толклись над водой, женщина, зажав ее передними зубами, вытянула шнур с катушки, наматывая на кулак, и ловко и быстро привязала наживку к типету подлеск. Металлический крючок скрыт яркими перышками, чтобы обмануть форель и заставить ее думать – перед ней лакомый кусочек… Губы женщины изогнулись в улыбке.

Поднявшись на ноги, она начала забрасывать удочку. Почти балетная последовательность широких замахов – разлетавшиеся от шнура мелкие брызги сверкали в холодном воздухе, как драгоценные камни. Женщина с удовлетворением увидела, что мушка уселась на самом краю спокойного омута – ровнехонько там, где течение начинало рябить поверхность и где, как она видела, ходила рыба.

Но едва мушка медленно поплыла по течению, женщина почувствовала на себе чужой пристальный взгляд. Кто-то следил за ней из леса. Пульс участился, слух обострился до предела.

Медведь?

Волк?

Пума?

Женщина вдруг поняла, что не слышит остальных, оставшихся в лагере рядом с вытянутыми на берег лодками. Они сидят у костра, потягивая напитки в ожидании, пока проводники приготовят ужин и можно будет смеяться, наслаждаться едой и травить охотничьи байки до самой ночи. А ей не терпелось хоть пару раз забросить удочку, прежде чем окончательно стемнеет: ведь завтра последний день. Это ее недостаток – вечно хотеть еще разок, не уметь остановиться. Видимо, на этот раз она зря поддалась искушению… Осторожно

сглотнув, женщина незаметно поглядела в сторону обрывистого берега. В тени, уже сгустившейся в лесу, стеной начинавшемуся на краю обрыва, не было заметно никакого движения, однако женщина явственно ощущала чужое присутствие – недоброе, выжидающее. Кто-то охотился на нее, оценивал как потенциальную добычу, совсем как она сама ловит форель, а форель – мух. Нервы натянулись как струны. Напрягая зрение, она силилась что-нибудь заметить, когда сверху вдруг сорвался камень, вызвав небольшой камнепад. Другие камни покатились по склону, с плеском падая в воду. Страх цепенил сердце, кровь ритмично и больно стучала в ушах, и неожиданно она различила в сумерках человеческий силуэт, отделившийся от леса и двинувшийся вперед. Отчетливо виднелась красная вязаная шапка.

Женщина испытала неимоверное облегчение.

– Эй! – крикнула она, помахав.

Но незваный гость, не отвечая, шел прямо к ней, держа в руке что-то тяжелое. Палку или металлический прут? Размеры и увесистость как у бейсбольной биты. Женщине снова стало не по себе. Она невольно отступила назад, к кромке воды. Сапоги скользили на осклизлых камнях, несмотря на рифленые подошвы. Женщина покачнулась, но удержалась на ногах и нервно засмеялась.

– Нельзя же так пугать, – упрекнула она. – Я уже заканчиваю, и…

Удар последовал сразу. Она отпрянула, уклоняясь от замаха, и окончательно потеряла равновесие. Удилище подлетело в воздух. Женщина с размаху упала в реку, подняв тучу брызг.

Шок от ледяной воды оказался таким, что у нее перехватило дыхание. Вода хлынула в непромокаемый рыбацкий полукомбинезон, как свинцом залила резиновые сапоги, пропитала жилет с карманами, свитер, термобелье – все это, мгновенно отяжелев, потянуло ее на дно. Она билась в воде, стараясь держать голову повыше и хватаясь за скользкие камни, но течение оказалось сильнее.

Очень быстро ее вынесло на середину реки, неудержимо стремившейся к грохочущему впереди отвесному водопаду, над которым днем и ночью висит водяная пыль. Женщина пыталась брыкаться, грести руками, как-то свернуть к берегу, но своевольная Наамиш задумала иное: с нечеловеческой радостью и

невероятной силой река то бросала новую игрушку в стороны, то затягивала ко дну, где крутились мутные водовороты. Когда легкие несчастной уже горели огнем, течение, будто издеваясь, выкинуло ее на поверхность.

– Помогите! – закричала она, отплевываясь, когда голова показалась над водой, и высоко выбросила руку из белой пены, показывая, где она. – Помогите! – снова крикнула она, захлебываясь и давясь.

Секунды две, пока течением ее снова не затянуло под воду, она видела, как стремительно уменьшается фигура на берегу – бледное лицо под красной вязаной шапкой, с черными провалами глаз. А за ней целая армия исполинских елей выстроилась на краю обрыва, и заостренные верхушки, как боевые копья, пронзали туман.

«За что?» – ошеломленно думала женщина. Творилась какая-то бессмыслица.

Наамиш снова потянула ее ко дну, с силой ударив о подводный валун. Боль пронзила левое плечо. Утопающая понимала – скоро начнется гипотермия, голова совсем перестанет работать, затем перестанут подчиняться руки и ноги и она захлебнется. Бешено и неуклюже она боролась с течением: нужно остановиться, прежде чем она попадет в водопад. Но окоченевшие руки свело в неподвижные крючья, а комбинезон и сапоги тянули вниз, словно какое-то чудовище тащило ее за ноги на дно, в свое логово, в водную могилу.

Вода яростно крутила ее и била о камни, и рыбачка перестала понимать, где верх, а где низ, в какую сторону рвануться, чтобы глотнуть воздуха. Она уже начала терять сознание, когда Наамиш снова выбросила свою игрушку на поверхность и занесла в маленькую заводь. Вытянув шею, женщина судорожно хватала ртом воздух. Глотнув воды, она закашлялась, чувствуя, как течением ее вновь затягивает на дно, и инстинктивно схватилась за упавшее дерево, не до конца отломившееся от своего пня на берегу. Вот когда пригодились потерявшие чувствительность руки-крючья!

Держись. Держись, черт побери!.. Главное, держись.

Сердце кувалдой колотилось о ребра. Впившись ногтями в размокшую кору, женщина почувствовала, что зацепилась за сучья, как прибитый течением мусор. Две ветки потоньше сломались, пальцы провалились в труху прогнившего

ствола. Наамиш нетерпеливо тянула и дергала за наполненный водой комбинезон.

Надо было надеть спасательный жилет… А он помог бы?

Женщине удалось втянуть воздух, затем сделать еще вздох. Отчего-то ей показалось, что две звезды на темно-синем небе удивительно яркие, совсем как сигнальные ракеты. Наверное, это планеты. Юпитер или Венера, женщина не знала, но в ней рождалось ощущение Вселенной и своего крошечного в ней места. В ней шевельнулась надежда.

«Звездочка яркая, звездочка ясная, первая звездочка на небе вечернем…» Именно в такие вечера, когда она в детстве сидела у костра с папой и он учил ее ловить форель на муху, и началось ее путешествие длиною в жизнь, которое, скорее всего, окончится в этой реке. «Жизнь как река – такая же стихия, не знающая логики. Единственная константа – это постоянная изменчивость».

Женщина сделала еще вздох и отважилась перехватить руками бревно. Дюйм за дюймом она подбиралась к берегу.

Со временем начало твориться нечто странное – оно растягивалось, замедлялось. Однажды с ней такое уже было – при лобовом столкновении на обледенелой дороге. В состоянии крайнего стресса, когда шансы выжить невелики, человек видит все как в замедленной съемке, тогда как в действительности все происходит за доли секунды. Переставляя одну закоченевшую руку-клешню перед другой, она спустя целую вечность добралась до кромки воды и схватилась за ветки безлистого кустарника – берег в этом месте был очень высоким и крутым. Некоторое время женщина лежала без сил, тяжело дыша, наполовину в воде, прижавшись щекой к склизкому зеленому мху и черной жирной земле. Пахло компостом и грибами, как от садового пруда с карпами.

В ее сознание пробился новый звук – карканье ворона. Должно быть, птица прямо над ней, в кронах прибрежных деревьев, иначе ее не расслышать сквозь грохот Планжа. Вороны – падальщики. Умные птицы. Знают, где поживиться. Сперва он выклюет ей глаза, затем начнет отрывать самые мягкие куски плоти… Мир вокруг начал меркнуть.

«Нет. Нет! Только обмороков не хватало. Сознание необходимо, чтобы дать телу приказ продолжать жить».

С усилием дыша, она лежала на влажной мульче из почвы, мха и прелой листвы, стараясь осмыслить последовательность событий, которые привели ее в реку. Снова наползла чернота, и на этот раз она была почти желанной. Женщину посетило искушение покориться и провалиться во мрак, но непонятная искра на краю сознания упорно не гасла. Она светилась, тлела, как конец раскаленного прута. И вдруг ее будто встряхнуло, когда прут превратился в пусковой провод, заставивший заново забиться ее сердце.

«Ты! Я вспомнила о Тебе, и меня охватил страх за Тебя, о котором я ни разу не думала всерьез».

Глаза широко открылись, дыхание участилось. Адреналин пошел в кровь.

«Теперь, когда смерть подошла совсем близко, я понимаю, что ошибалась: Ты – это мое все».

Что говорят о людях, которые чудом выжили там, где остальные погибали? О мужчине, который отпилил себе руку, чтобы выбраться из горной расщелины? О девушке, которая после крушения самолета спустилась по заснеженной горе, будучи в одной мини-юбке, даже без трусиков? О девочке-подростке, которая несколько месяцев прожила, трясясь от лихорадки и страдая от укусов насекомых, в джунглях Амазонки, выпав из развалившегося в воздухе коммерческого самолета и спланировав в пассажирском кресле, как семечко с парашютом? О мужчине, который несколько месяцев дрейфовал на плоту в океане? У каждого из них была причина жить: они превозмогали себя ради кого-то. Ради любимых. Эта мысль придала им сил победить смерть и вернуться домой. «Я должна справиться ради Тебя. Я должна жить ради Тебя. Это все меняет. Я не могу Тебя подвести, ведь я – все, что у Тебя есть».

Медленно нашарив перепутанные корни, она дюйм за дюймом подтянулась на берег. Задержав дыхание, она напрягла все силы, чтобы схватиться за узловатый ком корней повыше. Тело пронзала боль, но женщина только радовалась: болит – значит, жива. Она боролась со смертью, зная, что один промах, одно неверное движение – и она снова скатится по скользкому берегу в реку. А рядом уже водопад.

Вот и край обрывистого берега. Остановившись, она отдышалась и собралась с силами, давясь подступающей рвотой. Сверху надвинулся туман, плотный от влаги и сгустившейся темноты, и в нем женщина вновь почувствовала чье-то присутствие. В душе шевельнулось странное сочетание надежды и ужаса. Очень медленно, страшась того, что она увидит, женщина подняла голову – и сердце у нее замерло.

Темный силуэт между деревьев. Неподвижный. Безмолвный. Наблюдающий из темноты за ее отчаянными усилиями.

Или ей показалось? Зашумел ветер, ветки изогнулись, и силуэт двинулся. Идет к ней? Или это просто тени танцуют от ветра?

С трудом отпустив пригоршню травы, рискуя съехать в реку, женщина вытянула руку к приближающейся фигуре.

– Помогите… – прошептала она.

Неизвестный остановился.

– Помогите, пожалуйста. – Она подняла руку выше, едва балансируя на склоне.

Ответа по-прежнему не было.

Она замерла в недоумении и вдруг поняла очевидное. Прозрение стало тяжким ударом. Когда она поняла, что происходит, всякая надежда пропала. Из нее будто вытекли последние капли силы. Вытянутая рука нарушила баланс, и женщина заскользила к воде. Сила тяжести словно пришла в восторг, вновь отвоевав свою добычу, и потащила ее где ползком, а где и кубарем, к реке. С громким всплеском рыбачка вновь упала в воду, и течение немедленно подхватило ее, будто обрадовавшись. Человеческая фигура неподвижно стояла на краю обрыва среди деревьев. Последняя мысль вспыхнула в угасавшем сознании, когда женщину потянуло ко дну: «Такие страдания, и чтобы за это никто не ответил? Невозможно! Но кто же ответит, если я утону? Как Ты добьешься справедливости? Откуда люди узнают правду? Ведь мертвые не могут говорить…»

Глава 1

Воскресенье, 28 октября

Двадцать четыре года спустя

Шестидесятипятилетний Бадж Харгривс заметил лисички сразу, едва войдя в рощу: перевернутые золотистые конусы пробились через ковер сосновых игл и молодых побегов. Крошки жирной черной земли на шляпках казались следами шоколадного пирога, которые забыли стереть с губ.

Его охватил азарт грибника. Вот удача! Он успеет собрать эту красоту прежде, чем опустятся сумерки. Он перелез через поросшее мхом бревно толщиной с него самого, вздрогнув, когда громко щелкнуло артритное колено.

Бадж присел на корточки среди гигантских папоротников – с козырька кепки скатились дождевые капли, – аккуратно поддел ножичком крупную лисичку, стер влажные иголки и понюхал гриб. Почти фруктовый аромат, как у абрикоса, слегка пряный. В отличие от ядовитых говорушек, это оказалась настоящая лисичка.

Бадж бережно опустил находку в сумку с жестким дном, надетую поверх люминесцентно-оранжевого жилета. Такер, его белый пойнтер, тоже щеголял в оранжевом жилете, а к ошейнику был прикреплен колокольчик. Конец октября – разгар охотничьего сезона, и Бадж не имел ни малейшего желания, чтобы в чаще наамишского леса его или Така приняли за оленей. Прошлой осенью в нескольких милях к востоку отсюда два дурака-охотника наповал застрелили черного лабрадора, а после оправдывались, что приняли собаку за черного медведя.

Вот дятлы! В этих местах охота на медведей традиционно запрещена, а у них всего-то и были разрешения на добычу оленя, так какого лешего заряжать ружье жаканами, раз идешь на оленя? Бадж поднял голову, спохватившись, что уже давно не слышит колокольчика Така. Пес любил убегать вперед и самостоятельно обследовать окрестности, но обычно он не исчезал надолго.

Бадж посвистел – три коротких сигнала и один длинный, давно усвоенная Таком команда подойти. Но в чаще не послышалось треска веток, через которые пойнтер стремглав бросался к хозяину. Не звякнул и колокольчик. У Баджа упало сердце. Он снова посвистел и посидел, прислушиваясь к звукам леса.

Дождь тихо и часто барабанил по плечам куртки из гортекса, затекая под воротник. Тяжелые капли копились и срывались с густых крон древесных исполинов, шлепаясь на листья размером с тарелку у жирной заманихи, вымахавшей выше метра. Пахло влажной землей – лесной, плодородной. Бадж расслышал обрывки голосов, долетевшие от реки, которая расширялась в дельту метрах в двухстах ниже лесистого склона. Наверное, любители рыбной ловли, которые спускались сегодня по реке на моторках.

Бурундук гневно заверещал, когда Так вдруг выскочил, как молния, из зарослей папоротника. Мгновенный испуг у Баджа тут же сменился облегчением. Пес часто дышал, глаза возбужденно блестели, морда была вымазана черной грязью. Бадж ухватил Така за ошейник и принялся наглаживать пойнтера, приговаривая:

– Куда дел колокольчик, а? За ветку зацепил и сдернул? Признавайся, где ты так перемазался, что ты там вынюхал? Нашел что-нибудь вонючее и интересное? Или разорил запасы этого бурундука, а?

Так неистово вилял обрубком хвоста, стараясь лизнуть хозяина в щеку.

– А ну, малыш, сдай назад, ты так мне лисички помнешь! – Бадж шлепнул Така по заду, позволив псу снова скрыться в кустах и откапывать то, что там привлекло его внимание. Под густыми кронами быстро темнело, а им еще предстояло возвращаться к тому месту, где он припарковал свой пикап – у старой лесной трелевочной дороги. Вчера Бадж набрал всего около двух килограммов опят. Сегодня ему, считай, повезло, если он управится до темноты.

Быстро собирая лисички, Бадж все больше углублялся в чащу. Лес становился все гуще, мшистее и производил впечатление первобытного, нетронутого. Звуки стали глуше, с исполинских кедров свисали зеленые «ведьмины волосы», черные лишайники густо покрывали кору. Вдруг по спине Баджа пробежал холодок, и он замер. Ему стало жутко: туман сочился между стволов, будто тянулись пальцы призрака. Что-то шмякнулось ему на длинный козырек. Бадж отпрянул и, не

удержавшись, грузно сел на пятую точку. Напугавший его предмет сорвался с козырька в траву.

У Баджа забилось сердце при виде того, что падает здесь с деревьев: гнилой рыбий скелет. Бадж задрал голову: вон еще один болтался на высокой ветке – белый, склизкий и блестящий. Орлы, подумал Бадж, падальщики чертовы! Каждый год прилетают на север к концу сезона нереста лосося. Когда рыба, выметав икру, погибает, орлы выхватывают лососей из воды и пируют на верхушках деревьев.

Медведи тоже затаскивают крупных рыбин в чащу. Бадж раньше был лесорубом и по кольцам на спиле дерева мог сразу сказать, рыбный ли выдался год: в такие годы в почве было много азота. Но чтобы тухлый рыбий скелет падал на макушку в треклятом тумане и сумерках? Нет, это чересчур для старого «моторчика». Бадж поднял нож, который выронил от испуга, от души выругался и решил – на сегодня хватит.

Хрустнув коленями, он распрямился.

– Такер! – крикнул он.

Ответа не последовало.

– Такер! Куда тебя черт унес? Уходим! – кричал Бадж, продравшись сквозь колючую ежевику и хрустящие папоротники на маленькую поляну. На краю, в зарослях дикой малины, происходила какая-то возня и слышалось рычание. Бадж замер. Холодок под ложечкой разливался все шире, затопляя грудь. – Такер! Это ты, что ли? – Он осторожно двинулся к сопенью, сжимая в кулаке нож. – Что там, малыш?

Он обошел куст папоротника и замер: Такер, уставясь на него нехорошо горящими глазами, рычал, сжимая в зубах длинную кость с налипшей грязью.

– Иисусе!.. Дай, дай сюда. Мы уходим. – Бадж потянулся к кости, но пойнтер попятился, не желая отдавать находку. Он нагнул голову и снова зарычал – уже с угрозой. Шерсть на холке поднялась дыбом.

– Черт побери, Такер, я кому сказал! Тебе говорили не брать с земли, говорили? А ну, брось сейчас же!

Пес еще ниже нагнул голову, но нехотя подчинился. Бадж наклонился рассмотреть, какого же зверя эта кость, мельком бросил взгляд на разодранный когтями Така мшистый ковер – и кровь заледенела в жилах.

Из влажной черной земли выступала грудная клетка. Бадж с трудом сглотнул. Выше ребер виднелся череп – на боку, словно во сне, и глазница забита грязью. На левой стороне черепа вмятина.

В ушах Баджа толчками зашумела кровь. Это не вам пуля охотника. Перед ним не лось и не крупный олень, подстреленный, но скрывшийся и издохший в чаще.

Череп был человеческий.

Глава 2

Энджи Паллорино крутнула запястьем, пытаясь хотя бы силой воли забросить мушку туда, куда целилась, но из-за запутавшейся лески получился недолет. Чертыхнувшись, Энджи принялась выбирать шнур из воды. Шли последние часы четырехдневной рыбалки на реке Наамиш, и сегодня они с детективом Джеймсом Мэддоксом удили рыбу в широкой дельте ниже водопада. Паллорино рассчитывала к этому времени научиться ловить нахлыстом, но это искусство, видимо, было доступно лишь немногим избранным. А Энджи не любила, когда ей что-то не давалось. В раздражении она смотала шнур на катушку удилища, готовясь снова попытать счастья.

– Старайтесь не бросать против ветра, вон он как поднялся, – подсказала сидевшая сзади молодая проводница, умело направляя рулем дрейфующий катер.

«Ага, это делай, того не делай, попробуй снова!» Впрочем, Клэр Толлет была права: ветер разошелся не на шутку, покрывая гладкую заводь сильной рябью, будто ероша. На сидящих в лодке то и дело веяло ледяным холодом,

принесенным с припорошенных снегом горных пиков. Энджи нетерпеливо натянула вязаную шапку на уши, снова покрутила запястьем и сделала бросок. Выругавшись, когда мушка снова оказалась на воде всего в нескольких метрах от лодки, Паллорино уселась наблюдать за леской.

– А вот эта попытка была уже лучше, – похвалил Мэддокс. Энджи до сих пор чаще звала его по фамилии, чем по имени, и виной тому была не только недолгая совместная служба. Мэддокса никто не называл Джеймсом, даже он сам. – Вот увидишь, насколько легче все будет в следующий раз! – Мэддокс стоял над Энджи с удилищем в руках, еле заметно подергивая леску, отчего его мушка скользила по воде, как настоящая.

– В следующий раз? – с ударением переспросила Энджи.

– Конечно, мы же еще вернемся, – улыбнулся он, отчего синие глаза засияли, а лицо стало таким, что у Энджи потеплело на сердце. В непромокаемом комбинезоне и рыбацком жилете, с взъерошенными ветром иссиня-черными волосами, Мэддокс выглядел настоящим Зверобоем, а вовсе не проницательным копом из убойного в костюме и галстуке, на которого Паллорино так сразу и сильно запала год назад. Но тут ей вспомнился вопрос, который Мэддокс задал в машине по дороге в лодж.

Паллорино отвела глаза и принялась с удвоенным вниманием наблюдать за своей мушкой. Внутри шевельнулась тревога. Предложенная Мэддоксом «осень на Наамиш» выглядела очень романтично: поездка задумывалась как отдых на природе, вдали от мобильных телефонов и профессиональных стрессов, с целью вернуть отношениям былую нежность.

Но слова Мэддокса, его единственный вопрос, вывел Энди из равновесия, прежде чем они даже доехали до лоджа.

«Ты когда-нибудь думала о том, чтобы завести детей?»

Шнур у Энджи провис, и она выбрала слабину, как ее учили. Здесь мелководье, отчетливо видны покрытые слизью камни на дне. Над камнями чуть заметно колебался целый косяк погибшего лосося. Вес черепов удерживал мертвых рыб на месте, рылом против течения, а течение колыхало скелеты туда-сюда, создавая впечатление, будто косяк по-прежнему плывет. Рыбы-зомби, думала

Энджи, обреченные вечно стремиться против течения, пока река смывает с костей ошметки гниющей плоти. Или пока их не выхватят из воды лысые орлы, медведи или волки, которые по ночам иногда выходят к реке.

Это ежегодный ритуал, когда миллионы особей кеты, лосося, чавычи и кижуча в Тихом океане вдруг распознают пресную воду своей родной реки, устремляются к ней и упорно поднимаются против течения, к истокам, а бурное течение беспощадно бьет их об острые камни. Все ради нереста, ради оплодотворения икры. А дав начало новому циклу, рыбы умирают.

Правда, Энджи с Мэддоксом удили не отнерестившегося лосося – их интересовала сильная серебристая форель. Энджи с трудом заставляла себя не замечать раздувшихся дохлых рыб, колыхавшихся под лодкой: смрад гниения чувствовался даже на высоких обрывистых берегах. Этот рыбий круговорот жизни и смерти заставлял задуматься о скоротечности бытия, о стремлении идти против течения жизни лишь затем, чтобы произвести потомство и умереть. Все это не давало забыть вопрос Мэддокса, на который у Энджи не было ответа.

«Ты когда-нибудь думала о том, чтобы завести детей?»

Она резко, рывками начала сматывать шнур на катушку.

– Все в порядке? – спросил Мэддокс.

– В полном, – отмахнулась Паллорино, поднимаясь на ноги, отчего лодка качнулась, и снова забросила крючок. – Но если будет следующий раз, лучше выбрать место потеплее.

– Ну что ты, здесь так здорово! Признайся, ведь тебе понравилось!

– Здоровее некуда. – Избегая взгляда Мэддокса, Энджи пристально всматривалась во второй катер их дрифт-пати: у руля сидел проводник Хью Кармана?, а его клиенты, пожилые супруги из Далласа, удили с азартом тинейджеров.

За четыре дня старики, разменявшие восьмой десяток, словно решили взять от жизни все, выжать до последней капли отпущенный им срок. И снова Паллорино

задумалась: а есть ли смысл в попытках надышаться перед тем, как сыграть в ящик, ведь для мертвых воспоминания ничего не значат. Энджи видела, как Мэддокс наблюдает за стариками, и по его лицу догадывалась – он завидует этой паре и мечтает, чтобы они с Энджи тоже вместе старились, и развлекались, и занимались бы сексом в палатке до самого последнего дня, наверстывая упущенное: Мэддокс – время, потраченное на первый неудачный брак, Паллорино – свое драматическое прошлое.

Однако ей старики-супруги казались просто жалкими, испугавшимися забрезжившей впереди финишной черты, да и в отношениях с Мэддоксом она тоже не была уверена на сто процентов. По-настоящему ей сейчас хотелось только одного: вернуться в город и дотерпеть до получения лицензии частного детектива. Когда у нее будет необходимый стаж, она сможет открыть собственное агентство. Хватит с нее работать на всяких идиотов. Паллорино страшно хотелось самой руководить и принимать решения, вести собственные расследования, а до тех пор все остальное казалось досадной потерей времени.

День незаметно померк, по воде протянулись длинные тени. От этого дохлая рыба у дна точно ожила, став еще более жутковатой. Начал накрапывать дождь. Энджи с вожделением думала о горячем душе и ужине в ложе. Нормальная кровать после трех суток ночевки в палатке – вот бы побыстрее! Завтра утром они с Мэддоксом возвращаются в Викторию.

– Пора сворачиваться, – сказала Клэр, натянув капюшон. – Выбираем ле?сочки… – Она достала радиопередатчик и нажала кнопку: – Клэр вызывает Рекса, Клэр вызывает Рекса!

В передатчике затрещало.

– Рекс слушает. Говори, Клэр.

– Мы возвращаемся. Во сколько будет вездеход с прицепом?

– Уже почти подъехал.

– Отлично, – весело сказала Клэр, – а то темнеет быстро. Ну, ждите нас там.

– Вас понял. Отбой.

Клэр помахала соседнему катеру.

– Хью! – Голос пронесся над водой. Клэр энергично покрутила рукой в воздухе: – Сворачиваемся! Вездеход почти подъехал!

Хью показал оба больших пальца. Старички-клиенты начали сматывать удочки.

Мотор кашлянул, выпустив клуб сизого дыма, и заурчал. Но когда Клэр разворачивала лодку, Энджи заметила на берегу движение. Напрягая глаза, она всмотрелась в плотную массу деревьев, гадая, что там может двигаться в сумерках и тумане. Кажется, какой-то человек бешено жестикулировал, бегая у кромки воды. Рядом с ним на поводке метался маленький пес. И собака, и хозяин были в ярко-оранжевых охотничьих жилетах.

– Стойте! – крикнула Энджи проводнице, перекрывая шум мотора, и вскинула руку, чтобы Клэр остановила катер. – Кто это?

Клэр выключила мотор, и на реке снова стало тихо. До них донеслись крики:

– Помогите! Сюда! Мне нужна помощь! Телефон не ловит!

Клэр проворно нажала кнопку на радиопередатчике:

– Хью, ты слушаешь? Хью!

– Хью слушает. Что случилось, Клэр?

– На противоположном берегу человек зовет на помощь. Мы свернем туда.

– Понял тебя. Я отвезу клиентов на пристань. Скажешь, если я понадоблюсь.

Клэр снова завела мотор.

– Держитесь! – велела она Энджи и Мэддоксу и до отказа подала сектор газа. Нос лодки приподнялся над водой, и они стрелой понеслись через Наамиш, оставляя за собой прозрачный расходящийся след.

У берега Клэр сбросила скорость. Немолодой мужчина, переваливаясь, торопливо спускался к воде, таща за собой пса на поводке. На ремне через грудь у него колыхалась увесистая сумка. Когда лодка мягко ткнулась носом в галечный берег, человек вошел в воду и схватился за кромку борта, тяжело дыша. На вид ему было хорошо за шестьдесят – солидное брюшко, седые усы и обветренное лицо, красное от холода или многолетних возлияний. Или того и другого.

– Бадж? – удивилась Клэр, приподнимая мотор из воды, чтобы лопасти не задели близкое дно. – Что стряслось?

– Я… Я… – Он зашелся натужным кашлем курильщика. Отпустив борт, старик согнулся, упираясь руками в колени, хрипя и силясь отдышаться.

Мэддокс спрыгнул с катера, подняв брызги. Энджи последовала за ним, зная, что не промокнет в комбинезоне и сапогах. Подойдя по мелководью, она тронула незнакомца за плечо:

– Вы в порядке, сэр?

Он поднял руку, показывая, что да, и откашлялся. Выпрямившись, он постучал себя в грудь кулаком и утер выступившие слезы.

– Чертовы сигареты… На этой стороне нет сигнала, но я увидел на лодке логотип лоджа «Хищник». У вас же есть радио, значит, вы можете связаться с Порт-Феррисом. Вызывайте копов! Я… Я… – Он снова закашлялся.

– Отдышитесь, сэр, не спешите, – попросила Энджи.

Бадж кивнул и, свистя боками, медленно втянул воздух и осторожно распрямился.

– Я труп нашел! В смысле скелет.

Глава 3

Энджи шла замыкающей, когда незадачливый грибник, отрекомендовавшийся Джимом Харгривсом по прозвищу Бадж, повел их цепочкой в темнеющий лес. Они шли с включенными поисковыми фонарями, захваченными из лодки, и светящиеся ореолы, отражаясь от плотного тумана, заставляли тени метаться, вырастать, а затем исчезать. Пойнтер Такер изо всех сил тянул поводок. Навстречу попадались чудовищные, каких-то первобытных размеров папоротники, и всюду слышался гулкий перестук капель, срывавшихся со сплошных смыкающихся крон исполинских деревьев.

Издали послышался протяжный звук, и все замерли, даже Такер притих.

Далекий вой становился все тоньше и выше и наконец оборвался коротким частым тявканьем, эхом отозвавшимся среди заснеженных гор.

– Волки, – прошептала Клэр. – Совсем осмелели, каждую осень все ближе к лоджу подходят.

У Энджи мурашки побежали по спине от некстати пробудившегося воспоминания детства: на минуту она будто снова оказалась в густом лесу, где ее биологический отец держал их с сестрой узницами; после расправы в живых осталась только Энджи. На том острове тоже жили волки, по ночам их вой проникал через зарешеченное окошко под потолком… В ней шевельнулся страх – давняя подсознательная реакция никуда не делась. Паллорино сжала кулаки, силясь вернуть самообладание, остаться в настоящем и не переноситься в прошлое. Посттравматический стресс – пренеприятнейшая штука: он поднимает свою змеиную голову и жалит, когда этого меньше всего ожидаешь.

Волки притихли, и Такер, приободрившись, снова начал рваться с поводка к человеческим останкам. Но когда группа вновь двинулась вперед, Паллорино почувствовала, что ее настроение изменилось. Мокрая ветка хлестнула ее по лицу, и Энджи сильно вздрогнула.

Дыши.

Дыши. Все нормально.

Это всего лишь воспоминания. Иди вперед, не стой.

– Все в порядке? – спокойно и деловито спросила Клэр, обернувшись подождать Энджи, когда остальные ушли вперед.

Она-то на знакомой почве, как буквально, так и переносно. Это раздражало – не потому, что девушка молода и красива, с густыми черными волосами и светло-зелеными глазами, и не потому, что она в диком лесу как дома; просто Энджи ненавидела собственный страх. Ее возмущало, что она никак не стряхнет с себя эту посттравматическую дрянь, которая прилипла и не желает отлипать.

– А откуда вы знаете Баджа Харгривса? – отрывисто спросила она у Клэр, поборов оцепенение. Вопросом она отчасти хотела разрядить копившееся в ней напряжение. Как бывший детектив отдела по борьбе с преступлениями на сексуальной почве, успевший поработать и в убойном, Энджи в совершенстве владела техникой ведения допроса. Пусть она уже не служит в полиции, но выполнение стандартной процедуры на месте преступления было своеобразным механизмом психологической адаптации, способом справиться с волнением.

– Здесь его все знают, – отозвалась Клэр. – Он больше двадцати лет был лесорубом, а теперь на пенсии. Мы его жалеем – много лет назад у него погибла жена, и Бадж страшно запил. Продал квартиру в городе и купил дом в лесу, к востоку отсюда, на земле, которую арендовал у нашей семьи. Живет бирюк бирюком. Когда он не бродит по лесу, его можно найти в «Крюке и промахе», это паб в Порт-Феррисе.

– Ваша семья владеет частью берега Наамиш? Но мне казалось, земли к северу от Порт-Ферриса принадлежат государству?

– Крупные дороги государственные, но и у нас осталось кое-что с тех пор, как мой прадед здесь обосновался и построил лесопилку.

Впереди Бадж и Мэддокс остановились. Такер бешено лаял и рвался с поводка. Энджи и Клэр нагнали мужчин, и Бадж показал лучом фонарика на окутанную туманом рощу:

– Скелет вон там, в зарослях заманихи.

– Орлопанакс элатус, – тихо буркнула Клэр. – Колючая, как я не знаю что, и колючки ломкие…

– Клэр, Бадж, вы лучше постойте здесь, – распорядился Мэддокс. – Энджи, за мной!

– Есть, сэр начальник, – не сдержалась она.

Мэддокс тут же поглядел на нее – большие глаза блеснули в сумерках. Возникла неловкая пауза. После того как Паллорино уволили из полиции, между ней и Мэддоксом тлел подспудный конфликт.

– Конечно, если ты не против, – понизив голос, добавил он.

Энджи промолчала. Раздвигая перистые стебли папоротника, они вошли в рощу. Под ногами пружинил мох. В роще стояла давящая тишина – даже пес притих, – словно под эту древнюю сень полагалось вступать в благоговейном молчании.

Мэддокс поводил лучом фонаря среди заманихи. Ровный изумрудно-зеленый мшистый ковер был разодран, толстый слой добротного торфа отогнут, и в образовавшейся дыре жирно блестела прекрасная черная земля. Из потревоженной почвы торчала часть скелетированной грудной клетки, а выше виднелся человеческий череп. Над могилой стоял сырой грибной запах. Тонкие клочья тумана тянулись между деревьев, как призрачные пальцы, словно желая погладить кости.

– Просто до мокрых штанов испугался, когда увидел, – признался Бадж, стоя у края рощи. – Я сразу начал звонить в полицию, но на этом берегу приема-то нет!

Мэддокс присел на корточки, Энджи опустилась рядом с ним. Они медленно водили лучами по видимым частям скелета. У Паллорино участился пульс – вот она и снова на месте преступления, но тут же ее отрезвило резкое, как удар хлыста, сознание: ей уже никогда не поручат настоящего расследования.

Превозмогая себя, она произнесла:

– Сюда нужно коронера и экспертов с оборудованием. На извлечение останков понадобится время. – Она наклонилась осмотреть череп, облепленный землей. Плоти на нем совсем не осталось, забитая почвой глазница слепо смотрела на Энджи. – Компрессионный перелом. – Паллорино показала на вмятину, от которой лучами расходились мелкие трещины. – От сильного удара слева.

– До заключения патологоанатома мы не узнаем, стала ли эта травма причиной смерти, – отозвался Мэддокс.

– Недостает некоторых ребер. – Энджи указала лучом на скелет.

– Может, собака постаралась, – предположил Мэддокс. – Или другие падальщики… – Луч замер, осветив что-то торчавшее из мха ниже грудной клетки. – Какая-то темная ткань!

– Какая же это ткань не разложится, если труп полностью скелетирован?

Мэддокс поглядел на Энджи:

– Гортекс, неопрен, любая синтетика.

– Вроде рыбацкого комбинезона?

– Хм. – Мэддокс огляделся. – Далековато от реки, чтобы заплутать случайному рыбаку.

– Но мы-то тоже в комбинезонах, – указала Энджи. – Этот человек мог сюда подняться, как и мы, кружным путем. По прямой-то река всего в нескольких сотнях метров к северу.

– Да, но в ту сторону густой лес с подлеском. Пришлось бы прорубаться через кусты, если бы человек захотел пройти оттуда сюда.

Энджи шевельнулась – у нее затекли ноги, а непромокаемый комбинезон практически не согревал – и заметила новую кость, торчавшую из потревоженного мшистого ковра буквально у нее между сапог.

– Ух, блин. – Она попятилась. – Вот это называется ходить по уликам!

Они с Мэддоксом уставились на находку. Кость оказалась длинной, с белыми вдавлинами на закругленном конце, будто ее глодали звери.

– По-моему, локтевая, – предположила Энджи.

– А это что? – спросил Мэддокс, указывая на облепленный грязью кругляш.

Энджи посветила туда.

– Браслет наручников или какая-то металлическая деталь… Слушай, тут нельзя топтаться. Это место преступления, пока не доказано противное. Надо оцепить эту рощу до приезда коронера с экспертами и местной полиции.

– Ближайшее отделение канадской полиции – в Порт-Феррисе, – сказал Мэддокс, распрямляясь.

Они с Энджи, осторожно ступая, вышли из зарослей к Баджу и Клэр, терпеливо ждавшим в темноте под мелким дождем. Такер тихо заскулил и засуетился, когда они подошли.

– Клэр, вы можете связаться с лоджем? – попросил Мэддокс. – Пусть звонят в Порт-Феррис в полицию и скажут – в лесу найдено подозрительное захоронение, собака наткнулась. Сообщите им координаты по навигатору и добавьте, что здесь сержант Джеймс Мэддокс из полиции Виктории, объединенный отдел расследования тяжких преступлений. Я постараюсь обеспечить охрану места возможного преступления, пока они не прибудут с коронером.

Клэр включила радиопередатчик и отошла в сторону.

Энджи повернулась к Баджу:

– А есть вообще какая-нибудь дорога из Порт-Ферриса на этот берег Наамиш?

– Только заброшенная трелевочная просека, по ней когда-то лес возили с заготовок. Теперь ею разве что охотники пользуются, да я, да Аксель Толлет, у

которого тоже тут участок, только западнее.

Мэддокс тихо сказал Энджи:

– Коронер с полицейскими сегодня никак не успеют. До рассвета по-любому не начнут. Скелет здесь столько лет лежал, подождет и еще несколько часов.

– А звери? Кости-то показались из земли! – Бадж указал на темную кучу недалеко от своих сапог. – Во, медведь уже наведался. Дерьмо-то свежее, навалено, пока я к реке бегал и помощь кричал!

В передатчике затрещало, когда Рекс ответил с другого берега Наамиш:

– Понял тебя, Клэр. Я уже передал информацию в лодж. Вы возвращаетесь?

Клэр обернулась, выжидательно глядя на Мэддокса и Энджи.

– Нет, я останусь здесь на ночь, обеспечу сохранность до приезда полиции. Сможете кое-чего подвезти? Мне понадобится палатка, спальный мешок, радиопередатчик. Запас сухих дров для костра, чтобы звери не подошли. Медвежий спрей, сигнальные ракеты – ну, это на всякий случай… И веревка, или бечевка, или клейкая лента – что-нибудь, чтобы примерно огородить периметр участка с могилой.

Энджи молча смотрела на него, и ей стало жарко. После слов Мэддокса она почувствовала себя ненужной, пятым колесом, уволенным копом и вообще ничтожеством.

– Без проблем, – отозвалась Клэр. – Я сама привезу все из лоджа. Вы со мной, Энджи?

– Нет, я тоже останусь здесь до утра.

Мэддокс пристально посмотрел на нее:

– Точно?

– Точнее некуда, – отрезала Энджи. – А как ты думал? Я тебя что, одного здесь брошу? – Вот тебе и долгожданный горячий душ, вкусный ужин и мягкая постель… – Мне главное – вернуться завтра вечером в Викторию и успеть в аэропорт, иначе Брикстон меня вышвырнет.

Джок Брикстон, директор «Прибрежных расследований», очень неохотно взял Энджи после ее громкого увольнения из полиции и истерики в прессе по поводу расправы с серийным маньяком по кличке Креститель.

А еще газеты всячески муссировали тот факт, что Энджи оказалась той самой неизвестной девочкой, которую подбросили в бэби-бокс больше тридцати лет назад, и что ее биологический отец оказался поставщиком живого товара и убийцей в том числе ее сестры и матери. Паллорино умоляла Брикстона дать ей шанс: ни одно частное детективное агентство и слышать о ней не хотело, а по закону для получения лицензии детектива она обязана была определенный срок отработать в зарегистрированной компании. Вот получит она лицензию – другое дело, тогда можно будет подумать об открытии собственной бутиковой фирмы. Поэтому Паллорино готова была работать за чисто символические деньги.

Наконец Брикстон смягчился и взял Энджи с испытательным сроком, в переводе на человеческий – на самые заваляющие дела. В основном ей поручали слежку за неверными супругами или детками богатеньких родителей, желавших знать, чем занимаются их чада. Паршивая работенка – двух мнений тут быть не могло, но Энджи стиснула зубы и думала на перспективу. Если она нарушит условия испытательного срока, о собственной лицензии можно будет забыть.

– Слушайте, если я вам не нужен, – начал Бадж, – можно, я тогда к моему пикапу пойду? Копы из Порт-Ферриса знают, где меня найти, если что.

– Вы дорогу найдете? – уточнил Мэддокс. – Уже почти стемнело.

– У меня навигатор, у меня вот фонарь, да и Так со мной. Мы не заблудимся. Мы и в худшую погоду дорогу отыскивали. В любом случае я не так далеко живу. – Старик надел налобный фонарь поверх кепки, включил и, кивнув на прощанье и хрипло дыша, углубился в лес и вскоре скрылся в чаще. Свет фонаря некоторое время метался между стволов, а затем пропал.

– Поможете принести снаряжение из катера? – спросила Клэр у Энджи.

Паллорино кивнула и пошла за проводницей по тропе к берегу, но Мэддокс придержал ее за локоть:

– Ты в порядке?

– А почему я не должна быть в порядке?

Он наклонил голову – в свете фонаря лицо казалось совсем белым.

– Потому что ты очень болезненно реагируешь. Что случилось? Волки, да? Старые воспоминания?

Энджи зло поглядела на него – в душе всколыхнулись самые разные чувства. Она дорога? Мэддоксу. Он хороший человек. Паллорино любит его всем сердцем, но иногда ее просто бесит, что он такой чересчур хороший. Мэддокс по-прежнему занимает важный пост в полиции, а она нет. Его успехи – недавнее назначение начальником нового отдела по расследованию особо тяжких преступлений – лишь подчеркивают ее неудачи. В глубине души Энджи по-прежнему противилась отношениям с Мэддоксом, не зная почему. Это печалило и смущало. Меньше всего ей хотелось, чтобы он относился к ней как к несчастной жертве. Паллорино хотела уважения, отношения как к равной. Она хотела, чтобы Мэддокс восхищался ею, а не жалел.

– Ты носишься со мной как с фарфоровой с того дня, как я выяснила, что мой отец убийца, – тихо буркнула она, чтобы не слышала Клэр. – Я, конечно, ценю твои чувства, но я, ей-богу, покрепче, чем кажусь. Не надо сдувать с меня пылинки. Умерь уже свой пыл, пожалуйста.

Вдалеке заухала сова. Ветер прошелестел в верхушках деревьев. Мэддокс пристально смотрел в глаза Энджи, и много недосказанного читалось в этом взгляде.

«Ты когда-нибудь задумывалась о детях?»

– Я не жертва, Мэддокс, – повторила Энджи. – А выжившая.

В его лице что-то изменилось. Он отступил и выпрямился.

– Прекрасно, – сказал он. – Ты действительно хочешь дежурить со мной до утра?

– А ты хочешь, чтобы я осталась?

– Ты же знаешь ответ, Энджи! – Глаза у него блеснули. – Я всегда рад, когда ты рядом. Меня волнует, чего на самом деле хочешь ты.

Стиснув зубы, Паллорино повернулась и с сильно бьющимся сердцем начала спускаться к берегу.

Глава 4

Джеймс Мэддокс сгреб догорающие поленья в середину, отчего над костром взвились мелкие оранжевые искры. Энджи, укрытая одеялом, сидела, прижавшись к нему. Брезент, натянутый между веток, защищал от дождя – капли, падая в костер, шипели на углях. Энджи подала Мэддоксу плоскую фляжку с бренди, и он сделал глоток. Они молча слушали вой волков в горах. В холодном мраке ночи зловещий грохот водопада казался ближе.

Вздрогнув, Энджи плотнее запахнулась в одеяло.

– Озябла? – спросил Мэддокс.

– Да нет, это все волки. Ты прав, они действительно напоминают мне прошлое. – Она улыбнулась углом рта. – А тут еще скелет этот за спиной…

– Клэр сказала, что волчья стая бродит в основном по другому берегу.

– Надеюсь. Я уже довольно давно не отрабатывала приемы защиты со спецсредствами, – сказала Энджи, имея в виду «медвежий спрей» – перцовый аэрозоль.

Мэддокс смотрел, как отблески пламени играют на ее бледном лице. Он обожал ее четкие, волевые черты, удивительные светло-серые глаза и даже

полукруглый шрам на нижней губе. Свет костра придавал гладким густо-рыжим волосам Паллорино глубокий медный оттенок. Мэддокс подумал о сексе, но отвернулся и уставился в пламя.

На романтический отпуск на природе, вдали от большого города и стрессов их профессии, он возлагал большие надежды. Ему так хотелось отогреть их едва наметившиеся отношения, в которых появилось напряжение из-за специфики новой работы Энджи! Мэддокс и сам почувствовал груз дополнительной ответственности, когда вступил в новую должность и сам сформировал новый объединенный отдел особо тяжких.

Однако и тут они с Энджи сидят ночью в лесу в самую промозглую погоду и охраняют невесть чей скелет. Мэддокс невольно улыбнулся: судьба, что тут скажешь.

Возможно, отношения в какой-то момент пошатнулись по его вине.

Он предложил пожениться еще девять месяцев назад, когда Энджи чудом спаслась от своего папаши, организовавшего ее похищение и пытавшегося убить во второй раз. Незадолго до этого она потеряла старого друга и напарника Хаша Хашовски при задержании преступника, застрелившего маленькую девочку. Паллорино обещала Мэддоксу пойти к психотерапевту и сдержала слово, изо всех сил стараясь справиться с посттравматическим расстройством. Она привычно применяла свой фирменный подход, бросаясь в атаку на малейшее поползновение старого стресса, скручивая каждое проявление ПТС в бараний рог и яростно его подавляя. Шрамы на душе, наверное, все равно останутся – такое прошлое, как у нее, нельзя просто пережить и забыть, но Мэддокса беспокоило, что Энджи отдалилась эмоционально. Он чувствовал, как между ними растет тонкая стена. Паллорино металась между своей драгоценной самостоятельностью и потребностью быть с ним, и Мэддоксу казалось, что этот внутренний конфликт и лег когда-то в основу ее зависимости от агрессивного анонимного секса.

– Все задумывалось иначе, – сказал он вслух.

– Что?

– Поездка, сегодняшний вечер… – поколебавшись, Мэддокс решился – все лучше, чем пытка неизвестностью, и полез во внутренний карман куртки, нащупав узкую коробочку для мушек. Она была теплой от его тела, согревшись у самого сердца. Вынув футляр, Мэддокс глубоко вздохнул, вдруг очень заволновавшись: – Я хотел в торжественной обстановке…

Взгляд Энджи упал на маленькую коробочку. Она нахмурилась:

– О чем идет речь?

Он открыл футляр. Из мягкого вспененного вкладыша, где обычно лежат рыболовные крючки, сверкнул голубовато-белый бриллиант-солитер в лаконичной платиновой оправе. В свете костра над кольцом заплясали разноцветные блики.

У Энджи отвисла челюсть, и она уставилась на Мэддокса расширенными глазами.

– Энджи Паллорино, выходи за меня замуж.

– Ты… Я… Ты ведь уже предлагал!

– А ты обещала подумать – я не помню быстрого и решительного «да». – Он снова глубоко вздохнул. – Мы оба были настолько заняты, что нам не удавалось ничего обсудить или построить планы, вот почему я мечтал куда-нибудь с тобой уехать, чтобы все было официально, с кольцом, с датой свадьбы… – Мэддокс тихо фыркнул: – Я попросил шеф-повара в лодже приготовить нам сегодня особый ужин и подать с французским вином, как ты любишь. В нашей комнате зажгли бы камин, а на веранде нас ждала бы горячая ванна. Немного роскоши после трех ночей в палатке… Но вместо этого мы, как видишь, охраняем разложившийся труп… – Он улыбнулся. – Ирония судьбы.

Энджи растроганно смотрела на бриллиант, втиснутый в пенную подложку. Вдруг от порыва ветра задрожала полоска яркой маркировочной ленты, которой они оцепили участок вокруг могилы.

– Я… не знаю, что сказать.

Мэддокс с тревогой смотрел, как Энджи разглядывает кольцо, не делая попытки взять его в руки. Лицо стянуло от напряжения, губы сжаты в тонкую линию, будто она справлялась с собой, не желая что-то говорить. И снова Мэддоксу показалось, что он ее теряет. Он чувствовал себя беспомощным и потерянным, словно брел под беспощадным ледяным ветром.

Его охватил страх.

«Ты могла бы сказать «да».

Он кашлянул и медленно произнес:

– Ты же хотела этой поездки, правильно? Романтического досуга вдвоем?

– Да, да, конечно, романтика, но… я… я не знала, что ты планируешь вот это…

– Я тебя расстроил?

Она сглотнула, нос порозовел. Она утерла рот.

– Посмотри на меня, Энджи. Поговори со мной.

Она осторожно подняла глаза, и от этого взгляда у Мэддокса сжалось сердце.

– Может, нам лучше подождать? – сказала она. – Пока я наберу стаж у Брикстона и открою собственное детективное агентство?

– Но почему? Зачем нам ждать?

Паллорино молчала.

– Энджи!

– Вот сейчас у меня основное устаканится, и я смогу без спешки, со спокойной душой планировать дальше. Вот как только…

– Ты уходишь от ответа, – перебил Мэддокс. – Ты избегаешь меня с того дня, как я впервые задал тебе этот вопрос. Ты не желаешь говорить о нас, о свадьбе, о том, чтобы назначить дату. Кормишь меня отговорками про стаж, про ненормированный график без выходных…

– Неправда, я тебе сразу сказала! Я ненавижу то, чем сейчас занимаюсь, – мотаться по городу глубокой ночью, торчать в дешевых клубах и мотелях, следя за парочками, замешанными в порочащих связях, чтобы по возможности застукать их in flagrante и представить доказательства ревнивому мужу или жене, которые глядят на меня с отвращением. – Энджи ткнула пальцем себе в грудь. – Но мне необходимо как можно быстрее набрать часы, чтобы уйти от дурака Брикстона и начать работать самостоя…

– Хватит пудрить мне мозги, Энджи, – твердо сказал Мэддокс. – Когда по дороге сюда я тебе задал вопрос, Джок Брикстон был ни при чем – я помню твою реакцию. Она задала тон всей поездке, обнажила суть наших отношений, верно?

Энджи отвернулась от Мэддокса и от бриллиантового кольца в коробочке, которое он по-прежнему держал и которого она не коснулась, и уставилась в костер. Мэддокс не мог отвести взгляд от часто-часто бившейся на нежной шее жилке.

– Вопрос проще некуда: ты когда-нибудь думала завести детей?

Энджи обернулась как ужаленная:

– Слушай…

– Нет, ты меня послушай. Я-то без детей обойдусь, если тебе оно не надо: у меня есть Джинни, я все это уже проходил. Меня не так уж тянет затеваться снова, но я желал бы знать, чего хочешь ты. Потому что мне не все равно, что происходит в душе женщины, которую я люблю. Женщины моей жизни. Женщины, с которой я хочу провести остаток дней. Это абсолютно нормальный вопрос, который обсуждают нормальные люди, когда собираются пожениться.

Слеза сорвалась с ресниц Энджи и потекла по щеке.

Мэддокс выругался про себя. Зря он это сказал. Как Энджи Паллорино стать «нормальной»? Ее детство, ее прошлое было переполнено насилием, кровью и жестокостью, она готовый пример для учебника виктимологии! Кстати, скоро выйдет документальный детектив, основанный на реальных событиях ее жизни, и написал его судебный психиатр Рейнольд Грабловски, вопреки желанию Энджи и без ее участия. Чудо, что Паллорино вообще как-то держится!

– Мне не хватает моей прежней работы, – проговорила Энджи, глядя в сторону. – Новых дел, ношения служебного оружия, какого-то авторитета на месте преступления. Мне безумно хочется самой вести расследование…

– Я понимаю.

Она вскинула голову, и Мэддокс увидел, что ее лицо искажено страданием.

– Мэддокс, мне сейчас очень трудно. Я не знаю, как это – не быть копом. От меня словно отняли немалую часть. И принимать серьезные решения на всю жизнь, когда я еще не разобралась, кто я теперь и кем хочу быть… Вряд ли это правильно. – Она в упор глядела на Мэддокса. – Меньше всего я хочу тебя разочаровать, подвести, чтобы в какой-то момент ты раскаялся в своем решении…

– Это было ошибкой, – перебил он, закрывая коробочку. Бриллиантовая радуга исчезла.

Он попытался ее принудить, и Энджи ему отказала. Силой от нее ничего не добиться, теперь он в этом убедился. Мэддокса едва не трясло от сокрушительной неудачи. Он вдруг понял, как сильно хочет Энджи Паллорино в своей жизни, чтобы она всегда была рядом.

– Надо было обождать, – прошептал он скорее себе. – Выбрать более удачный момент. Мне хотелось показать, что наши отношения развиваются, но…

Паллорино приложила палец к его губам и покачала головой. Щеки у нее были мокрые от слез. Взяв коробочку у него из рук, Энджи молча открыла крышку и достала кольцо. Надев его на безымянный палец, она вытянула руку к свету костра.

От глубокого волнения у Мэддокса перехватило горло, когда он увидел лицо Энджи.

– Слишком большое, – хрипло сказал он. – Я вижу, оно велико. – Он кашлянул, прочищая горло. – Я мерил по кольцу, которое лежит у тебя на туалетном столике…

– Так то кольцо моей приемной матери! Папа мне отдал, когда мы перевезли ее в лечебницу. Оно мне не подходит и лежит у зеркала как память.

– Давай сюда, – попросил Мэддокс. – Я отдам подогнать. Мы… попробуем снова, в другой раз.

Как загнать джинна обратно в бутылку? Все равно что дым загонять обратно в костер. Назад пути нет.

– Какое красивое, – прошептала Энджи, любуясь кольцом. – Элегантное, прекрасное, простое…

– Дай я его переделаю.

– Нет, Джеймс Мэддокс, – мягко сказала Энджи, расстегивая серебряную цепочку, которую носила на шее, и надевая кольцо на цепочку. – Помоги застегнуть. – Она перебросила волосы через плечо и наклонила голову.

Он продел круглое звенышко в застежку, касаясь нежной шеи. Энджи убрала кольцо на цепочке под рубашку.

– Буду так носить, пока мы не выберем времени его уменьшить. Вместе.

Мэддокс задохнулся от эмоций и прерывающимся голосом спросил:

– Это значит… то, что я думаю?

Энджи приложила ладонь к его щеке.

– Да, – прошептала она. – Тысячу раз да. Я люблю тебя, Джеймс Мэддокс. Я даже не знала, что можно так любить, как я люблю тебя. Не подозревала, что я способна на такое чувство… – Она помолчала. – Или в какую тонкокожую трусиху я превращусь. Как сильно буду бояться тебя подвести.

У Мэддокса перед глазами все расплывалось от слез.

– Давай тогда в будущем году, до Рождества. Может, весной или летом?

– Я люблю весну, – прошептала Энджи. – Обожаю, когда цветут вишни и улицы Виктории усыпаны бело-розовыми лепестками… – Она подалась к Мэддоксу и поцеловала его. Ее губы и щеки были холодными и влажными. Пахло от нее знакомо – Мэддокс обожал ее запах. Его рука скользнула под водопад тяжелых рыжих волос, и Мэддокс поцеловал Энджи страстно, по-настоящему. В нем проснулось жгучее желание.

Энджи застонала и расслабилась, прильнув к Мэддоксу, когда его язык играл с ней. Поведя рукой вверх по его бедру, Паллорино накрыла ладонью твердеющую эрекцию.

– В палатку, – пробормотал Мэддокс ей в рот.

Они занимались любовью в чаще леса, неистово и яростно утверждая жизнь, словно бросая вызов смерти, таившейся в неглубокой могиле в двух шагах от палатки.

Но когда, утолив страсть, они лежали, объединив спальные мешки, переплетясь и обнявшись, и Мэддокс с наслаждением чувствовал щекой мягкие волосы Энджи, снаружи снова донесся волчий вой – стая охотилась, перекликалась, волки спаривались. И у Мэддокса шевельнулось ощущение, что между ним и Энджи еще не все выяснено и выправлено. Она согласилась, но многое оставалось недосказанным. Он осторожно высвободился из объятий спящей любимой женщины, расстегнул свой мешок и натянул одежду.

– Ты куда? – сонно пробормотала Энджи, повернувшись и ища его.

– Подбросить дров в костер.

Мэддокс выбрался из палатки и застегнул клапан. Он долго сидел один под брезентовым пологом, глядя на пламя, пока не начало понемногу светать. Он почувствовал, что Энджи тоже проснулась и лежит без сна в палатке.

Мэддокс вспомнил свой первый, неудавшийся брак. Жизнь не дает никаких гарантий: «да» у алтаря может быть клятвой в верности до гроба, но нередко оказывается не прочнее воздушного шарика. Он уже однажды обжегся с Бри, матерью Джинни, хотя и обеспечивал семью, и старался выполнять отцовские обязанности, и успевал делать карьеру. Что же подтолкнуло его попробовать снова? Почему, черт побери, он уверен, что на этот раз все получится?

Тем более с такой женщиной, как Паллорино?

«Живи настоящим и не заглядывай далеко вперед. А проблемы будем решать по мере появления».

Скелет, догнивавший в своей неглубокой могиле, лишний раз подчеркивал краткость отпущенного людям века. Мэддокс взял большое полено и подложил в костер. Пламя оживилось, затрещало, жар согрел лицо Мэддокса. Он невольно задумался, кто же там лежит во мху, какой смертью умер и как вышло, что на останки никто не наткнулся раньше.

Волчий вой становился все выше и тоньше, разносясь над бескрайним холодным лесом и неся с собой тоскливое ощущение приближающейся зимы.

Глава 5

Понедельник, 29 октября

Проснувшись, Энджи увидела над головой странный бледный светящийся купол. Она почти сразу поняла, что она в палатке, а через ткань сочится серый рассвет. Она перевернулась в спальном мешке – Мэддокса рядом не было. Несколько мгновений Энджи прислушивалась к звукам леса. Разноголосый птичий хор. Резкое стаккато белки или бурундука. Ровный гул водопада выше по реке.

Энджи поглубже натянула вязаную шапку – она спала в шапке и куртке, расстегнула клапан палатки и выглянула.

Вокруг клубился густой туман. От догоревшего костра поднимался кудрявый дымок. Мэддокс спал под брезентовым пологом.

Энджи отступила обратно в палатку, натянула джинсы поверх термолегинсов и застегнула ремень с охотничьим ножом. Без ножа она не ходила – привычка. Надев сапоги, Паллорино крадучись выбралась из палатки.

Беззвучно ступая по толстому пружинящему мху, она подошла к Мэддоксу. Судя по двум последним чадящим поленьям, он поддерживал огонь до утра, чтобы не подошли дикие звери, а Энджи в это время спала сном младенца. Ей несвойственно так отключаться… Энджи разглядывала его профиль, видневшийся под капюшоном спального мешка: сильный лоб, четкий подбородок. Красивый мужчина этот начальник убойного отдела – волевой, справедливый. Руководитель с правом окончательного решения. Своим терпением Мэддокс уравновешивал ее порывистость. Он сохранял хладнокровие, когда Энджи теряла голову. В душе плеснулась горечь, сменившаяся беспокойством и знакомым ощущением, что она недостаточно хороша для него, что она не заслуживает его любви. Разве ей можно хоть на минуту задуматься о том, чтобы носить его детей? Да из нее выйдет худшая в мире мать!

Или это в ней говорит подавленный стыд?

Стыд за то, кем оказался ее отец, за то, что она была зачата насильственно, у несовершеннолетней секс-рабыни. За то, что ее бросили. Так сказать, «повезло» – Паллорино осталась в живых, хотя ее сестра погибла. На сессиях психотерапевт поднимал тему подавленного стыда… Энджи никогда не задумывалась о том, что страдает от глубоко сидящего унижения, ощущения какой-то деградации. Паллорино отказывалась считать себя жертвой, но врач произнес эти слова: «Подавленный стыд».

«Вам нужно простить себя, а не винить. Отпустите прошлое. Дайте себе время».

Время…

Прошло всего десять месяцев после того, как ее придуманная жизнь разлетелась вдребезги, а Мэддокс хочет прочного союза! От тревоги непроизвольно перехватило горло. Энджи с трудом перевела дыхание и оставила Мэддокса спать, а сама осторожно пошла к найденной накануне могиле.

Стоя за импровизированным ограждением, Энджи рассматривала череп и часть грудной клетки, торчавшей из земли. При дневном свете стало очевидно, что оцеплять нужно куда большую территорию: останки, лежащие так близко к поверхности, могли быть либо полностью перемещены, либо разнесены на большой площади хищниками либо паводками.

Представив, как она повела бы расследование, Энджи мысленно прикинула необходимые действия: периметр поиска уточнить по инструкции, используя служебных собак или щупы для почвы, двигаясь от найденных останков. Вызвать судебного антрополога, чтобы указал на подозрительные неровности почвы, нарушения растительного покрова, изменения в сплошном ковре мха и лишайников и признаки активности диких животных – словом, все места, где могут находиться недостающие кости или иные фрагменты, имеющие отношение к останкам.

После определения района поисков нанести его на карту, каждый найденный фрагмент упаковать в пакет, наклеить заполненный ярлык и указать координаты находки по навигатору. Дальше наступит очередь тщательнейших раскопок: собранные в ходе этих работ вещественные доказательства будут задокументированы и отправлены в лабораторию, где их опишут, сфотографируют и промаркируют с должной надежностью и конфиденциальностью. После изучения останков начнется процесс идентификации, и будет сделана попытка установить причину смерти.

Энджи потерла лоб.

Да, ей остро не хватало прежней работы – будто физически что-то глодало ее изнутри. Сунув руку за пазуху, Паллорино вытянула кольцо на цепочке, и бриллиант в гладком платиновом ободке засверкал в сером утреннем свете. Энджи не могла наглядеться на это совершенство. Никаких завитушек и зубчиков, ничего лишнего и вычурного. Мэддокс хорошо ее знал. Слишком хорошо… Сжав кольцо в кулаке, Энджи смотрела на потревоженную могилу, мысленно твердя себе: «Ты уже не коп. Смирись. Это не твое расследование».

– Привет!

Вздрогнув от неожиданности, она обернулась.

Мэддокс в широкой утепленной куртке появился из тумана и чащи, бесшумно ступая по мягкому мху. Взлохмаченные со сна волосы придавали ему очаровательный, по мнению Паллорино, вид.

Она улыбнулась:

– Господи, как ты меня напугал!

– Я большой медведь. – Мэддокс поднял руки над головой, зарычал и начал переминаться с ноги на ногу.

– Дурак! – Энджи со смехом стукнула его по плечу.

Он сгреб ее в охапку, приподнял лицо под подбородок и поцеловал в губы, после чего отстранился и поглядел в глаза:

– Хорошо спала?

– Черт, да как убитая! Волчок вполне мог заглянуть в палатку и отъесть от меня бочок – я бы не проснулась. Никогда так крепко не засыпала… А ты? Тоже спал сном праведника на свежем воздухе?

Мэддокс наклонил голову, чуть улыбаясь:

– Почему ты думаешь, что я спал? Я видел, как ты вышла из палатки.

Энджи снова шлепнула его по плечу.

Он сунул руки в карманы и огляделся:

– Надо оцеплять больший периметр.

– Просто мои мысли читаешь.

В молчании они разглядывали обнажившуюся прекрасную лесную почву, вывернутый и отогнутый, как угол ковра, толстый мох, торчащие из земли кости. Этого человека тоже кто-то любил.

– А какие еще мысли тебя посетили? – со значительной интонацией поинтересовался Мэддокс.

– Мне казалось, «о чем ты думаешь?» – чисто женский вопрос, – парировала Энджи.

Мэддокс покосился на нее:

– Вот не знал, что ты поклонница стереотипов, Паллорино!

Энджи фыркнула и тоже спрятала замерзшие руки в карманы.

– Ну, я жалела, что это не мое расследование.

– Так ведь и не мое тоже.

– Ты же понимаешь, о чем я!

Высоко в плотных смыкающихся кронах пронзительно вскрикнула пустельга, и ветер шевельнул ветки, обдав Энджи и Мэддокса небольшим душем из скопившихся капель.

– Хочется же узнать, что с ним случилось, – сказала Паллорино, кивнув на останки. – Как думаешь, сколько он или она здесь лежит?

Мэддокс задумчиво сжал губы.

– Возможно, не первое десятилетие. Зависит от кислотности почвы, от погоды, от того, насколько холодными были зимы и засушливыми летние месяцы…

Вдалеке послышалось нарастающее урчание моторов. Мэддокс с Энджи обернулись на звук.

– Похоже, вездеходы, – произнес Мэддокс. – В ту сторону вчера ушел Харгривс, там заброшенная просека.

Они вернулись прежней тропой, чтобы заранее остановить машины и не дать им въехать на территорию, нуждающуюся в тщательном осмотре.

Из-за деревьев показались два облепленных грязью мотовездехода. Двое водителей были в полицейских куртках и брюках с желтыми лампасами. Третий, пассажир, приехал в черной куртке с крупной надписью «Коронер».

Вездеходы остановились, заглушив моторы. Первым слез крупный полицейский. Стянув шлем и перчатки, он подошел к Мэддоксу и протянул руку.

– Констебль Дарнелл Джейкоби, – представился он. – Канадская королевская конная полиция, отделение Порт-Ферриса.

Мэддокс, а потом и Энджи обменялись с ним рукопожатием. Джейкоби оказался лысым, с довольно агрессивным лицом и хищно изломанными бровями над светло-карими глазами – как у льва, подумала Энджи. Жесткий тип с рукопожатием рестлера, которое он отказался смягчать для женщины. На вид ему было лет пятьдесят пять или чуть больше.

– А это констебль Эрик Ватт, – представил Джейкоби, – и дежурный коронер Робин Петт.

Офицер Ватт снял шлем и в свою очередь пожал руки Мэддоксу и Энджи. Он был гораздо моложе Джейкоби. Долговязый, с чисто выбритым лицом и стрижкой под машинку, он походил на немца. Только что из полицейской академии, подумала Энджи, зеленый новичок, направлен осваиваться в небольшое провинциальное отделение полиции.

Робин Петт тоже сняла шлем, оказавшись стриженой брюнеткой с маленьким личиком и огромными темными глазами.

– Мне сказали, вы оцепили периметр? – уточнила она.

Найденные останки входили в зону ответственности Петт как районного коронера, но если обнаружатся признаки насильственной смерти, дело обязаны будут возбудить полицейские Порт-Ферриса.

– Как смогли, – ответил Мэддокс. – Темно было. Вы, наверное, сочтете нужным увеличить размеры оцепления. – Он провел приехавших по протоптанной еще Баджем тропе (Энджи снова оказалась замыкающей) до натянутой ленты, трепетавшей на ветру.

– Это Бадж Харгривс нашел? – уточнила Петт, вынимая из сумки фотоаппарат.

– Да, – сказал Мэддокс, держа руки в карманах. – Он выбежал на берег реки и попросил помощи. Если бы на этом берегу ловили мобильные, Бадж позвонил бы вам сам.

Копы переглянулись. Ватт медленно осматривался, примечая обстановку – исполинские древние деревья, гнилую рыбу, свисающую с высохших сучьев, невероятных размеров папоротники, колючую заманиху, лишайники, мох, сплошным ковром покрывавший валуны и стволы, и «ведьмины волосы», тонкие стебли которых колыхались на ветру.

– Значит, Харгривс случайно сюда забрел и наткнулся на это захоронение? – переспросил Ватт. – Здесь ни тропы, ни просеки.

– По его словам, он искал грибы, когда его пес учуял останки. Когда Харгривс выбежал на берег, у него на груди висела сумка, полная лисичек, – ответила Энджи.

Детективы снова переглянулись. Это заметила и Энджи, и Мэддокс – его бровь слегка изогнулась.

– А что, Харгривс известен полиции? – не удержалась Паллорино.

Коронер Петт взглянула на нее, но промолчала. Полицейские тоже не ответили. Для них Энджи была гражданской, и это не ее ума дело.

Сдерживая раздражение, Энджи взглянула на часы:

– Ну, если я вам больше не нужна, я поеду в город, мне вечером на работу.

– Сперва капрал Ватт снимет с вас показания и запишет телефоны, – сказал Джейкоби. – А потом можете быть свободны.

Глава 6

Энджи нервно мерила берег шагами, часто взглядывая на часы. Снова начался дождь – тихий, вкрадчивый, падавший на собранную палатку и прочее снаряжение, которые они с Мэддоксом сложили на гальку. Паллорино уже не на шутку волновалась. Дав показания копам из Порт-Ферриса, они упаковали вещи, позвонили в лодж по спутниковому телефону, который им привезла Клэр, и спустились к воде дожидаться моторки, которая их заберет.

Но лодка что-то не спешила.

– В чем дело? – спросил Мэддокс. – Ты в камнях уже след протоптала.

– А ты на время взгляни! В семь вечера я должна ждать в машине возле аэропорта Виктории, а мы еще даже на паром не сели! Это «крупная рыба» Брикстона, – Энджи показала пальцами кавычки, – ее нельзя упустить. Уезжая на пять дней, клиент поделился подозрениями, что супруга попытается встретить своего любовника в аэропорту, когда донжуан прилетит из Сиэтла под предлогом деловой командировки. Я должна проследить за женушкой с любовником по дороге из аэропорта и добыть видеодоказательства их связи – лучше всего заснять, как они занимаются сексом. Это выгодный заказ для «Прибрежных расследований», и если я запорю дело…

– Ничего, мы успеем вовремя.

Паллорино пригладила рукой влажные волосы.

– Я у Брикстона и так вечно на вылете. Если я упущу эту парочку… – Она снова поглядела на часы. – Слушай, нам в лодже назвали расчетное время прибытия лодки?

– Энджи, успокойся. Джок Брикстон знает, как ему повезло, что ты у него в штате.

– Он сволочь, – взорвалась Энджи. – Стареющий бывший коп, которого сначала разжаловали за нарушение субординации, а потом вышибли из полиции за самовольное использование базы данных, потому что на новой ничтожной должности доступа к ней не полагалось…

Мэддокс задрал брови и склонил голову набок.

– Что? Ты хочешь сказать, что я… – Паллорино выругалась. – Нечего сравнивать меня с Брикстоном, я – совсем другое дело!

– Ты вообще открыто ослушалась приказа и воспользовалась своим удостоверением, не имея на это права… – Он выставил ладони: – Я не осуждаю, просто напоминаю, как все было. Я понимаю, почему ты поступила так, а не иначе. Это все понимают, даже высшее руководство. Я лишь хочу сказать, ты бы с Брикстоном не так строго. У него были свои причины.

Энджи в упор глядела на Мэддокса, чувствуя, как ей становится жарко под одеждой. Ветер задувал порывами, отчего капли дождя летели почти параллельно обманчиво гладкой поверхности воды.

– Прости, – сказала она наконец. – Я знаю, я наделала ошибок. Наверное, я стремлюсь быть лучше, чем Брикстон. Я хочу переступить через свое прошлое и не околачиваться среди старых толстых уволенных копов и детективов на пенсии. Агентство Брикстона – единственное заведение, куда меня согласились взять. Я там только ради стажа. Мне необходимы эти чертовы часы для лицензии!

Мэддокс тактично не стал отвечать. Энджи с размаху уселась на мокрое бревно и стала следить за орлом, взлетевшим с верхушки сухого дерева. Поднявшись повыше, хищник раскинул крылья, паря на невидимых восходящих потоках теплого воздуха и зорко высматривая на земле мелкую добычу. Падальщик.

Убийца… Энджи вспомнила мертвых рыб, колыхавшихся под самой поверхностью воды, и в который раз подумала о тщетности стремления не щадить себя ради цели. Сделать дело – и умереть.

– Не торопись и не впадай в панику, – напомнил Мэддокс.

– Ну да, ну да…

Она слышала это в тысячный раз – Мэддокс постоянно напоминал ей жить сегодняшним днем и не отказывать себе в маленьких удовольствиях. Умом Энджи понимала, что он прав, но принять это было нелегко. Она глубоко вздохнула.

– Грузовик, – вдруг сказал Мэддокс. Энджи подняла голову. Она тоже услышала далекое рычание дизельного мотора на трелевочной дороге на другом берегу реки.

Натянув капюшон – дождь усиливался, – она снова взглянула на часы, невольно думая о скелете среди густого мха.

– Ты заметил, как копы переглянулись, когда мы назвали Баджа Харгривса? – спросила она.

Мэддокс хмыкнул. Он сидел на корточках на галечном берегу, понадежнее затягивая мешки со снаряжением, чтобы дождевая влага не попала внутрь.

– Интересно, при каких обстоятельствах Харгривс потерял жену, – продолжала Энджи. – Клэр упоминала, что после ее смерти он запил, продал жилье в городе и поселился в лесу. Живет бирюком, по ее словам.

Мэддокс поднял голову. Свет отразился в синих глазах, и капли, усеивавшие густые черные волосы, показались крохотными бриллиантами.

– Думаешь, Харгривс знал об этих останках и захотел кому-то показать? Убийцу потянуло на место преступления?

– Ну, я просто не исключаю никаких вариантов.

Губы Мэддокса дрогнули, и он, не сдержавшись, захохотал.

– Что смешного?

– Ты! Можно подумать, ты из полиции и не уходила!

Энджи поддала мыском гальку, обдав Мэддокса салютом мелких камушков. Он замер. Синие глаза, устремленные на Энджи, потемнели.

Энджи невольно сглотнула, когда мягкая волна желания толкнулась в животе изнутри. В наступившем молчании перед ней возникло видение их общего будущего. Да, подумала она, глядя в синие глаза Мэддокса, у них все получится. Она придет в себя после ненормированного рабочего графика, привыкнет к иному темпу. Будет наслаждаться жизнью – и этим мужчиной. Потому что не успеешь моргнуть, как можно оказаться трупом в какой-нибудь безымянной лесной могиле…

– Мы могли бы купить дом, – сказал Мэддокс, поднимаясь и отряхивая брюки. – Вот вернемся и начнем искать. Заживем вместе…

Энджи даже задохнулась от волнения.

– Я… А как же твоя яхта? Тебе же нравится жить в марине?

Он засмеялся:

– Там двоим не развернуться. Хотя можно приспособить яхту под твой офис.

– Как – офис?!

– Ну, ты же собираешься открыть «бутиковое детективное агентство». – Мэддокс, копируя Энджи, показал в воздухе кавычки, широко ухмыльнувшись. – Из Джека-О выйдет отличный маскот. В марине уже работает не одна контора – там прекрасные условия, и паркинг имеется. Близко к центру, однако не чересчур людно. Статусное место, между прочим. По-моему, идеальный офис.

Энджи, онемев, смотрела на своего жениха, думая о колоритной деревянной шхуне и трехногой дворняге, спасенной с улицы. А ведь там действительно можно работать. Господи, да это же просто здорово! Мэддокс словно создал зримое воплощение ее мечты, чтобы подбодрить Энджи, пока она вынуждена возиться со всяким дерьмом по заданию Брикстона. Но не успела Паллорино ответить, как с другого берега раздался автомобильный гудок, и большой красный «Форд»-пикап с моторной лодкой в прицепе начал сдавать назад, скатывая прицеп к воде.

Энджи с Мэддоксом смотрели, как приехавшие Клэр Толлет и Хью Кармана спускают лодку на реку. Из «Форда» вылез третий человек – крупный, в ярко-синей куртке и красной кепке. На шее у него висел фотоаппарат с огромным телеобъективом.

– Блин, – вырвалось у Энджи. Прикрыв глаза ладонью от дождя, она смотрела, как толстяк неуклюже идет к воде. Остановившись, незнакомец, не скрываясь, поглядел на них с Мэддоксом и поднял фотоаппарат к лицу. – Неужели репортер?

– Возможно, – не сводя глаз с этой сцены, произнес Мэддокс.

Энджи снова выругалась, еле сдерживая вскипевшее раздражение.

– Вот тебе и природа вдали от стрессов большого города! – съязвила она.

Едва моторка оказалась на воде, Клэр и толстяк забрались внутрь. Клэр села за руль. Лодка закачалась, когда Хью оттолкнул их от берега. Заурчал мотор. Клэр развернулась к Энджи и Мэддоксу, и лодка стрелой прянула вперед, разрезая водную гладь.

Примерно на середине реки «синяя куртка» снова поднял камеру и сделал еще несколько снимков Энджи и Мэддокса, ожидавших на берегу.

– Сволочь, – прошептала Энджи, кипя от ярости. – Только этого не хватало – снова попасть в газеты! Брикстон этого не потерпит – вышвырнет меня, и все. Он открытым текстом заявил – больше никаких историй. Наблюдатель должен оставаться неузнанным, уметь смешаться с толпой…

Клэр уже замедлила ход, и нос лодки мягко ткнулся в пологий глинистый берег. Мэддокс поймал брошенный трос и вытянул моторку повыше.

Энджи направилась прямо к незнакомому толстяку, который выбрался из лодки и шумно хлюпал по воде.

– Что это вы здесь снимаете? – требовательно спросила она.

– Здравствуйте! – «Синяя куртка» с улыбкой протянул мясистую руку. – Я Дейв Фолкон, репортер «Порт-Ферриcского маяка» и стрингер телеканала «Си-би-си». Вы Энджи Паллорино?

Энджи зло смотрела на него, не принимая приветственно протянутой ручищи.

– Откуда вы меня знаете?

Улыбка толстяка увяла. Он убрал руку, предпочтя поправить козырек кепки.

– Да вот слушал с утра полицейскую волну и узнал, что в старом лесу у Наамиш найдены человеческие останки. Я позвонил в лодж. – Он взглянул на Клэр, помогавшую Мэддоксу загружать мешки в лодку. – Я же всех знаю в лодже «Хищник»… И мне рассказали, что Энджи Паллорино вместе с детективом Джеймсом Мэддоксом из столичной полиции нашли могилу. – Дейв приветственно кивнул Мэддоксу. Тот проигнорировал репортера и положил в моторку последний гермомешок.

– Мы ничего не находили, – отбрила Энджи. – Грибник нашел, мы здесь ни при чем.

– Но вы же ночевали там в палатке, охраняя место происшествия до прибытия полиции! – Журналист утер мокрый подбородок – дождь разошелся не на шутку. – Клэр сказала, если я быстро приеду в лодж, она меня подвезет. Я сейчас к той роще, почирикаю с Дарнеллом и Эриком, пока не уехали.

– Вы и их знаете?

– «Маунти»-то? – Толстяк повел пухлым плечом. – Ну, а как же! Городок-то махонький. Мы отсюда родом, и родители наши тоже… – Дейв оглядел деревья, росшие вдоль берега стеной. Жидкий рыжий понитейл мотнулся под кепкой. – Значит, вы и есть подкидыш из «ангельской колыбели»?

У Энджи бешено забилось сердце. Она заметила, как Мэддокс бросил на нее выразительный взгляд, призывая вести себя сдержанно.

– Крутейший сюжет, – громко похвалил толстяк, не поворачивая головы. – Я сразу узнал ваше имя… – Он поглядел на Энджи неожиданно пристально. В глазах появился нехороший огонек. Дейв улыбнулся, обнажив мелкие остренькие клыки. – Я очень жду выхода книги Рейнольда Грабловски. Вы с ним работали в полиции Виктории над делом «Крестителя», пока вас не уволили…

Энджи буквально прикусила язык, с ненавистью глядя в глаза журналисту. Глаза начала заволакивать красная пелена.

– А психиатр этот явно знает все ходы и выходы, раз его книга сразу пошла в печать – шутка ли, через месяц выйдет! – Дэйв нарочито нагло уставился на шрам на губах Энджи. – И тот факт, что именно вы нашли скелет под слоем мха, вы, чье имя уже у всех на слуху, это просто прорыв. Режиссер «Си-би-си» очень заинтересовался, «Сан» и «Колонист» тоже заказали статью и фотографии. В этих лесах за четверть века пропали несколько человек, в лесной могиле может оказаться любой из них…

– Вы не имеете права использовать мою фотографию, – очень тихо и напряженно сказала Энджи. – И мое имя.

Голубенькие глазки глядели на нее не мигая. А под ногтями у него грязь. Волоски на тыльной стороне запястий рыжие. Смарт-часы «Гармин» соседствуют с браслетом из крошечных бусин – якобы сувениром из Африки. Энджи уже поняла, что перед ней подленький тип, псевдолиберал, который строит из себя опытного путешественника, хотя ни разу не отважился высунуть нос за пределы стандартного туристического маршрута. Мечтал, наверное, о международной журналистике, но недотянул и пытается выжать максимум из местной сенсации, потому что о Энджи Паллорино сейчас не пишет только ленивый.

– Я бы очень хотел взять интервью у вас и детектива Мэ…

– Пошел на хрен, – тихо сказала Энджи.

В толстом лице со сплывшимися чертами что-то переменилось.

– А мне не нужно вашего разрешения, миз Паллорино, – напомнил Дейв. – Оно и Грабловски не понадобилось, чтобы опубликовать свой документальный детектив. То, что вы нашли скелет, – информация открытого характера. Вы и сами публичная информация.

Глава 7

С усилием подняв изуродованные артритом ноги на оттоманку, Джилли Монеган взяла пульт от телевизора и включила канал «Си-би-си» посмотреть десятичасовые новости. Дни уже давно стали нескончаемо долгими и чертовски скучными. Уход на покой оказался совсем не таким, как мечталось.

Перед началом выпуска новостей к Джилли подошла помощница Гудрун Реймер с подносом, на котором стояла традиционная порция бренди.

– Спасибо, Гудрун.

– Что-нибудь еще?

– Да нет…

Точная, как швейцарские часы, Гудрун удалилась из гостиной ровно в десять часов. Джилли считала, раз уж ей не обойтись без помощи, Гудрун для этого лучший вариант. Немолода – за шестьдесят, но еще крепка телом и разумом. Пятеро детей уже взрослые и вылетели из гнезда, поэтому Гудрун прекрасно может ухаживать за пожилой дамой, которая в состоянии себе позволить сиделку с проживанием. В этом плане Джилли и Гудрун стали настоящей командой – две женщины на склоне лет. Гудрун твердой рукой поддерживала Джилли и без всякого раздражения и осуждения напоминала, если подопечной случалось что-то забыть, а Джилли Монеган облегчала ее старость щедрым

чеком за услуги. Функциональное партнерство. Вдобавок фрау немка оказалась неплохим поваром, а Джилли любила вкусно покушать.

Она сделала телевизор погромче. События дня оказались самыми заурядными, но отсутствие сенсаций означало, что все хорошо… Джилли попивала бренди, когда на экране вдруг появился диктор, рассказывавший о местных новостях:

– И еще: на острове Ванкувер буквально откопали тайну возрастом несколько десятилетий. В неглубокой могиле найдены человеческие останки – вчера на них наткнулась собака одного из грибников. Захоронение находится на высоте двухсот метров от уровня реки Наамиш, к северу от небольшого города Порт-Феррис.

Джилли выпрямилась, расплескав бренди. Схватив пульт, она сделала максимальный звук.

– Дело о скелетированных останках ведет коронер Порт-Ферриса Робин Петт. Как только кости извлекут из земли, специалисты дадут свое заключение, и начнется процесс идентификации. Местный репортер Дейв Фолкон был на месте происшествия. Что вы можете нам рассказать, Дейв?

На экране появилось мясистое лицо рыжего журналиста.

– Я сейчас нахожусь возле лесной могилы вместе с Баджем Харгривсом – это его пес Такер вчера раскопал эти кости… – Дейв Фолкон поднес микрофон усатому краснолицему человеку с бегающими глазками. – Как это произошло, мистер Харгривс?

– Мой Так учуял скелет – вернее, часть скелета, что осталась. Вон там. – Камера повернулась к трепетавшей на ветру желтой полицейской ленте, натянутой между огромных замшелых стволов. – Здесь телефон не берет, приема нет, понимаете, и я поэтому побежал к реке, а там лодки из лоджа «Хищник». Я стал кричать и звать на помощь. В одной моторке оказался детектив из Виктории. Он сошел на берег и охранял место происшествия, пока не подъехали наши местные копы.

Камера вновь повернулась к Дейву Фолкону.

– Детективом в лодке оказался не кто иной, как сержант Джеймс Мэддокс из столичной полиции, – сообщил зрителям репортер. – Сержант Мэддокс приезжал на рыбалку со своей бывшей напарницей Энджи Паллорино, недавно уволенной из полиции. Это о ней писали все издания, потому что Паллорино оказалась и таинственным подкидышем из «ангельской колыбели», и тем самым копом, который застрелил серийного маньяка Спенсера Аддамса по кличке Креститель…

На экране появился крупный снимок женского лица – длинные рыжие волосы, бледная кожа. Шрам на губах придавал ее внешности нечто смутно порочное. Джилли знала, откуда у Энджи Паллорино этот шрам: она следила за новостями и читала об этой Паллорино все, что писали в прессе. Но Наамиш? Найденный скелет? Если труп успел разложиться до костей, значит, он долгое время пролежал в земле. От волнения у Джилли забилось сердце.

– Гудрун! – закричала он. – Гудрун! Бегите сюда, живо!

Гудрун в панике ворвалась в гостиную:

– Что, что случилось?

– Подайте мне фотографию, вон, на полке стоит!

Помощница послушно подала фотографию. Джилли схватила ее и вгляделась в снимок. Из рамки на нее смотрела молодая девушка с миндалевидными глазами, такими темными, что они казались почти черными. Густые черные волосы, хрупкие плечи, улыбка белозубая и чарующая, кокетливый наклон головы и манящий взгляд, адресованный фотографу. Одета девушка была в непромокаемый полукомбинезон, доходивший до груди, в руке держала удилище для ловли нахлыстом. На запястье можно было разглядеть круглый серебряный ободок – этот браслет Джилли купила для нее в Египте.

«Неужели это ты? Может ли это статься? Спустя столько лет?»

– Что там? – спросила Гудрун, взяв пульт и уменьшив оглушающую громкость телевизора.

Джилли подняла повлажневшие от эмоций глаза.

– Это она, – вырвался у нее хриплый шепот. – Гудрун, я знаю, что это она. Наконец-то ее нашли.

Глава 8

Вторник, 30 октября

Без пяти девять утра Энджи въехала на парковку перед двухэтажным кирпичным зданием. Она сидела, не выключая мотора, чтобы в салоне было тепло, глядя на неприметный домишко через забрызганное дождем окно. На стеклянной двери табличка «Прибрежные расследования». Слева маленькая гостиница Говарда Джонсона, справа круглосуточное кафе Тима Хортонса, куда часто заглядывали копы, вызванные на происшествия в неурочное время. Это Энджи хорошо знала со времен работы в полиции.

Она пригладила волосы, подтянула понитейл и выбралась из машины, приготовившись выслушать выговор.

Возвращаясь с Наамиш, они с Мэддоксом встали в глухую пробку: произошла серьезная авария с участием лесовоза, двое погибших. По проезжей части раскатились бревна, движение по Малахат на пять часов перекрыли в обе стороны, пока раненых эвакуировали на медицинском вертолете, а на месте происшествия работала полиция. Энджи позвонила Брикстону и предупредила, что не успевает в аэропорт. Он велел ей быть в офисе в девять утра, и Энджи внутренне приготовилась к худшему.

Войдя, она поднялась по деревянной лестнице на второй этаж и открыла дверь в офис открытой планировки. Большинство столов еще пустовало, но дверь кабинета Джока Брикстона была приоткрыта. Энджи постучала по закаленному стеклу.

– Войдите!

Она толкнула дверь и вошла. Кабинет был маленький и уютный, здесь пахло кофе и свежей выпечкой. На столе у начальника красовался пакет с логотипом кафе Тима Хортонса, а сам Брикстон стоял у окна с бумажным стаканом кофе в руках и смотрел, как по стеклу ползут, извиваясь, струйки дождя. Бывший полицейский был на дюйм пониже Энджи, но широк в плечах и с большим выступающим животом, от которого рубашка едва не трещала по швам. Джок Брикстон любил готовый кофе, фастфуд и дешевых женщин. Забавно, что этот любитель адюльтера, который зарабатывал на жизнь, ловя других любителей адюльтера, сам был женат. На всякий случай Паллорино запоминала такие детали – никогда не знаешь, когда что понадобится.

Возле пакета из кафе лежала свежая «Таймс колонист», а рядом белый конверт, на котором было крупно написано имя Энджи.

– Присядь, – сказал Брикстон, не оборачиваясь.

Энджи осталась стоять. Он повернулся, взял конверт и переложил ближе к ней. Паллорино не сделала движения его взять.

– Что это? – спросила она.

– Уведомление о прекращении контракта.

Пульс у Энджи сразу вырос вдвое.

– Но вы не можете меня уволить из-за того, что лесовоз вывалил бревна на соседние автомобили, Джок! Нам только крылья отрастить осталось – там полгорода встало в пробке, движение же перекрыли. Машины снова пустили в восемнадцать сорок пять, и то только по одной полосе.

Брикстон поставил стакан с кофе и развернул к Энджи газету, постучав толстым пальцем по жирному черному заголовку: «В тайном захоронении найдены человеческие останки». Ниже красовалась фотография Энджи в самом неприглядном виде – неухоженном и каком-то затравленном – в тумане над Наамиш. Паллорино нерешительно потянулась и придвинула к себе газету. Под фотографией оказалась статья.

«Бывшая сотрудница столичной полиции Энджи Паллорино и детектив Джеймс Мэддокс всю ночь охраняли участок с захоронением. Паллорино, которую недавно уволили из полиции Виктории из-за расправы над серийным маньяком Спенсером Аддамсом, он же Креститель, известна нашим читателям еще и как таинственный подкидыш из «ангельской колыбели»…

– Я же велел тебе не высовываться, – упрекнул ее Брикстон.

Энджи, напрягшись, вскинула голову:

– Эти чертовы кости даже не я нашла! Мой жених – детектив в отделе особо тяжких, он вызвался обеспечить сохранность места вокруг захоронения, на которое случайно наткнулся местный грибник. Вы бы тоже вызвались, будь вы по-прежнему на работе в полиции, Джок! И любой детектив бы так поступил! Я там просто прису…

– Я считаю, Паллорино, – перебил Брикстон, потемнев лицом, когда Энджи подчеркнула его статус бывшего полицейского, – что ты и задницу почесать не можешь без того, чтобы тебя не сфотографировали и не пропечатали на первой полосе. Обычное дело для знаменитостей – и для печально знаменитых личностей. Больше того, ты встречаешься с главным копом города, только что назначенным на новый отдел, который самым пристальным образом пасут наш новый мэр и главное начальство. К Джеймсу Мэддоксу и его отделу сейчас прикованы все взгляды – каждому интересно поглядеть, как он будет сотрудничать с другими ведомствами. Поэтому ты, – он направил палец на Энджи, – нужна мне, как псу боковой карман.

– Вы принимали меня на работу, зная, кто я!

– С условием, о котором я тебе сразу сказал: не высовываться и не попадать в газеты.

– Я же ничего не сделала, черт побери!

– А тебе и не надо. Твоя известность бежит впереди тебя. Как какая-нибудь Анджелина, блин, Джоли, ты как к чему прикоснешься, тут же попадаешь на

первые полосы. Ты теперь местная достопримечательность, так-перетак. Город маленький, на острове населения тоже не миллион, поэтому я, конечно, ценю твои старания перемещаться неузнанной, но я тут вообще-то работаю. Речь идет о существовании и прибыльности «Прибрежных расследований» – от этого зависят мои сотрудники. Наш девиз «Скрытно и конфиденциально», – напомнил Брикстон. – На входе написано. Это краеугольные камни нашей деятельности. Желаю больших удач твоему бойфренду и его отделу, потому что по твоей милости СМИ и ему устроят цирк с конями.

Тихо и раздельно Энджи произнесла:

– Вы так хорошо знаете про медиацирк, Джок, потому что сами там побывали, да?

Сказанное электромагнитным импульсом взорвало невидимую бомбу: казалось, воздух вокруг Брикстона накалился и задрожал.

– Что ты сказала, Паллорино?

«Ошибка. Сдай назад. Тебе нужна эта работа. Надо ему польстить – он это любит».

– Я говорю, что СМИ и вас в свое время полоскали, а поглядите, какую фирму вы создали, несмотря ни на что! Пожалуйста, ну дайте мне еще один шанс проявить себя. В последний раз!

Брикстон моргнул.

– Джок, – снова начала Паллорино, не давая паузе затянуться. – Может, я и упустила супругу вашего клиента, когда она встретила любовника в аэропорту, но их интрижка не первый день длится, а ваш крупный клиент часто уезжает из города. Они встретились не в последний раз. Больше я их не упущу и обязательно зафиксирую на видео…

– Тебя скоро на улицах узнавать начнут, Энджи, это всего лишь вопрос времени. Погляди на себя – ты приметная. Шрам, волосы, лицо. Ты теперь на первых полосах и на всех телеканалах. Если Нортон узнает, что его дело я поручил тебе,

если его жена или ее высокопоставленный любовничек тебя срисуют… – Он провел рукой по лысеющей голове. – Нортон наш самый крупный клиент. Очень выгодный. Если я смогу ему угодить, он будет рекомендовать наше агентство. Я не могу рисковать, гадая, запорешь ты поручение или нет, – слишком много поставлено на карту.

– Я вас не подведу. Мне уже доводилось работать под прикрытием. Я куплю парики, загримируюсь, переоденусь. Я справлюсь, Джок. Ну пожалуйста! Я же лучше доброй половины ваших сотрудников, и вы это знаете!

Брикстон засопел.

– Один шанс. – Энджи подняла указательный палец. – В последний раз!

Брикстон отвернулся к окну и поглядел вниз на ее машину, красивый новенький «Мини-Купер», за который Паллорино еще выплачивала кредит. Кремово-белый с яркой полосой сбоку.

– Я и машину поменяю, – быстро сказала Энджи. – Буду брать подходящую в прокате для каждого конкретного поручения. За свой счет.

Плечи Брикстона опустились, он длинно выдохнул, и Энджи уже начала надеяться, что уговорила начальника.

– Прости, – буркнул он, – но это как раз и был твой последний шанс.

Сердце у Энджи застучало как молот.

– Господи, Джок, ну авария же, форс-мажор!..

Брикстон обернулся.

– Да дело вот в этом, Паллорино. – Он кивнул толстым подбородком на газету. – Поверь, шумиха только начинается. У сенсации есть ноги, она будет бегать много недель. Ты сейчас никак не скроешься и не затаишься. Я не могу назначить тебя ни на одно из моих серьезных дел.

Ощутив внезапную дурноту, Паллорино схватилась за спинку стула, надеясь услышать спасительное «но».

Однако Брикстон молчал.

– Может, я тогда поработаю как администратор или побуду на черновой работе? Офисной?

– Прости. Мне правда жаль. Я пытался дать тебе шанс, с этим ты не поспоришь. Но это была ошибка – ты же, блин, просто магнит для всякого дерьма, Паллорино! Твой испытательный срок окончен, я тебя уволил.

Под ложечкой у Энджи скрутило. Она смотрела на Брикстона, не веря своим ушам, хотя сразу поняла, чем все кончится, как только увидела Дейва Фолкона с фотоаппаратом на другом берегу Наамиш. Энджи готова была убить толстяка-репортера, разрядить пол-обоймы ему в лицо, как Крестителю…

– Все, забирай письмо об увольнении и уходи из моего офиса.

– Вы будете жалеть, Джок.

– Уже жалею, ты хороший детектив. Надеюсь, ты что-нибудь себе найдешь. – Брикстон снова повернулся к ней спиной и уставился в окно.

Энджи схватила конверт и в гневе вышла из кабинета. В груди жгло от ярости, обиды и досады.

Выйдя под дождь, она с размаху нахлобучила черную кепку. В ней проснулась прежняя Энджи, разъедавшая ее изнутри. Плохая Энджи, которая готова была избить кого угодно просто за то, что встал у нее на пути.

«Может, приспособим яхту под твой офис… когда ты откроешь свое «бутиковое детективное агентство»…»

Этому не суждено сбыться.

Джок Брикстон только что украл у нее мечту.

Глава 9

Пятница, 16 ноября

Энджи нырнула в сторону, едва увернувшись от удара боксерской перчатки Чая Буя. Тяжело дыша, блестящая от пота, она отступила на шаг. Чай, инструктор по тайскому боксу, снова двинулся в атаку.

– Руки выше! – командовал он. – Прикрывай лицо. Не стой, пританцовывай, переступай с ноги на ногу… Бедра не отклячивай… Защитную стойку не забывай… Лицом ко мне развернись… – Удар ногой с разворота последовал молниеносно. Энджи попыталась блокировать коленом, но опоздала. От удара по ребрам воздух вылетел у нее из легких, и тут же инструктор проворно схватил ее за голову, рванул на себя и сымитировал удар коленом в лицо, остановившись в каком-нибудь дюйме.

Энджи попятилась и вытерла мокрый лоб.

– Понятно? – спросил Чай.

– Понятно, отчего ж непонятно. Теорию на практике применить – вот что трудно.

На лице Чая Буя мелькнула улыбка. Маленький, жилистый, густо татуированный малазиец, чемпион по тайскому боксу, преподавал традиционные боевые искусства в своей спартанской маленькой студии на границе Чайнатауна. После злосчастной поездки на рыбалку почти каждый день или вечер Энджи приходила получать тумаки от Чая или от одного из его учеников, а инструктор показывал, как защищаться, как ставить блоки и наносить удары ногами. От постоянных занятий ее тело стало подтянутым и сильным.

После увольнения Энджи искала разрядки. Либо студия бокса Буя, либо ее вновь понесет в бары или, того хуже, в секс-клубы. Старая привычка, как собака, уже хватала ее за пятки: в Паллорино росло отчаянное желание забыть обо всем,

прибегнув к привычному способу забыться, пересилив стресс возбуждением от бурного анонимного секса.

Она не могла так поступить с Мэддоксом.

Да и с собой тоже.

Оставался спортзал. Энджи боролась с искушением, нанося удары кулаками, ногами и локтями, чтобы как следует излупить своих демонов и заставить притихнуть.

Была и другая причина впасть в депрессию. На единственном собеседовании, которого Паллорино удалось добиться за три с половиной недели, речь шла о месте охранника в богатом квартале, то есть фактически предстояло торчать в застекленной будке у ворот. Оставалась, правда, еще одна возможность – поработать телохранителем. Энджи уже склонялась к тому, чтобы принять этот вариант – ни одно из местных детективных агентств в ее услугах не нуждалось, а обязанности телохранителя требовали отличной спортивной формы и готовности к бою. Правда, должность связана с разъездами – придется отсутствовать по нескольку месяцев.

Телохранителя искала молоденькая поп-звезда, талантливая, но капризная и истеричная, начинающая приобретать международную известность. Кокетливая примадонна отличалась самомнением и не могла удержаться от лишнего стаканчика, случайных связей и скандалов. Энджи внутренне кривилась при мысли нянчиться с расфуфыренной фифой, однако иногда ей казалось – может, и нелишне уехать из Виктории и отдохнуть от назойливого внимания прессы, не встречая на каждом углу бывших коллег из управления и не вспоминая с горечью собственную загубленную карьеру. Однако отъезд неминуемо пошатнет ее отношения с Мэддоксом и на неопределенный срок отодвинет свадьбу и поиски дома.

– Вас скоро можно будет на ринг выпускать, – подколол ее Чай, лукаво улыбаясь.

– О, если бы. – Энджи жадно пила воду из бутылки, не обращая внимания, что вода льется на шею и за ворот футболки. – Скорее уж мне придется пинать оголтелых фанатов мелкой поп-звездочки. – Утершись полотенцем, Энджи бросила его в спортивную сумку, стоявшую у стены.

– Ну что, готова? – сказал Чай, начиная по-боксерски пританцовывать, подняв руки к лицу и низко нагнув голову, не сводя с Энджи черных глаз.

Кивнув, она вернулась на маты. Защищая лицо неплотно сжатыми кулаками, она тоже начала переминаться с ноги на ногу, не сводя глаз с инструктора.

– Энджи, ты по-прежнему отставляешь бедра куда-то в сторону.

– Привычка. Защищаю пистолет, подставляю меньше тела противнику.

– Ага. – Чай молниеносно нанес удар ногой сбоку. Энджи снова не успела блокировать.

– Видишь? Когда вес тела перенесен на одну ногу, ты не успеваешь отражать удары, – приговаривал он, агрессивно тесня ее назад. Внезапно он нанес удар кулаком в перчатке, повернулся, добавил локтем, снова повернулся и хлестнул ногой, как хлыстом. Энджи неуклюже грохнулась на мат. От приземления на спину из легких вылетел воздух.

– Господи. – Она быстро поднялась, тяжело дыша, чувствуя, как адреналин толчками пошел в кровь.

– Задницу, задницу не отклячивай! Развернись ко мне всем корпусом! Ты должна искушать противника большей площадью тела для удара, заманивать его, как наживкой. Когда он двинется, нападай, парируй, блокируй и наноси удар!

– Ничего я не отклячиваю, я не лошадь! Что это вы так, Чай? Никогда не учили женщину? – Инструктор нанес удар, но Энджи была начеку – отступив, она ответила высоким ударом ноги. Чай ловко увернулся. Тогда Энджи, не закончив движения, переменила ногу и нанесла удар, одновременно прикрывая ухо и голову сбоку от хука, которым, как она знала по опыту, обязательно ответит Чай. После миддл-кика она развернулась и добавила локтем.

– Хорошо! Хорошо, – засмеялся инструктор, отступая. – Вот это уже похоже на дело. Используй все восемь точек контакта – руки, локти, колени и стопы… – Он снова принял классическую стойку тайского бокса, и Энджи не замедлила его скопировать, развернувшись всем корпусом и не отставляя бедра. Она быстро

атаковала – удар ногой, наклон, шаг, удар коленом. Получался своего рода боевой танец, не позволявший думать ни о чем другом. Тела блестели от пота. Энджи совершенно увлеклась боем, когда в спортивной сумке зазвонил телефон.

Это ее отвлекло, и Чай не упустил возможности нанести хай-кик.

Оглушенная, Энджи еле удержалась на ногах. Ее повело вбок.

Чай снова засмеялся:

– Это я в четверть силы, Эндж. Никогда не отвлекайся, слышишь? – Он взял полотенце и повесил на шею, концами утирая лицо. – В следующий раз мы пустим тебя на ринг с противником. Наденешь защиту и сможешь малость выпустить пар.

Тяжело дыша, Энджи фыркнула, нетвердым шагом подошла к сумке и нашарила телефон. Номер оказался незнакомым.

Паллорино поднесла мобильный к уху, в котором еще звенело после удара.

– Да! – хрипло сказала она, вытирая струйки пота, катившиеся по шее.

– Анджела Паллорино?

Энджи замерла. Голос был женский и властный. Что-то в интонации заставило сердце забиться. Первой мыслью было – репортер. Энджи покосилась на Чая, который уже готовился к спаррингу с другим учеником, и отвернулась к стене.

– А вы кто?

– Если я говорю с Анджелой Паллорино, я хочу нанять вас расследовать дело.

Энджи охватило изумление, впрочем тут же сменившееся осторожностью.

– А с кем говорю я?

– Меня зовут Джилли Монеган. Дело старое, как говорится, висяк. Вы о нем знаете. Жду вас у себя завтра в четверть пятого. Я уже вернусь с прогулки и буду пить чай. Мы сможем обсудить детали и гонорар за чаем. Мой адрес…

– Стоп-стоп, погодите, – поспешила перебить Энджи, подхватывая сумку, и направилась к раздевалкам, где было тише. – Я сейчас не берусь за новые дела, я…

– Я сделаю так, чтобы вы переменили решение. В финансовом плане вам будет очень выгодно. Я щедро оплачу ваше время.

Энджи остановилась в коридоре у фонтанчика, охваченная любопытством.

– Миз Монеган, я обязана сказать, что уже не работаю в «Прибрежных расследованиях» и не являюсь…

– Тогда где вы работаете? В новостях сообщали, что вы сотрудница «Прибрежных расследований».

– Гм, пока нигде. Я…

– Прекрасно, значит, я вас нанимаю напрямую.

– Это невозмо…

– Все возможно, Анжела.

Паллорино подавила раздражение.

– Меня зовут Энджи, и я бы хотела договорить.

– Как вам угодно, Энджи так Энджи. Жду вас у себя завтра в четверть пятого. Тридцать пять семьдесят девять, Сифрант-роуд, возле Харлинг-Пойнт, сразу за бухтой Гонзалес. В субботу в четверть пятого!

На этом трубку положили.

Энджи ошалело уставилась на свой мобильный: что за чепуха? Какая еще такая Джилли Монеган? Имя казалось смутно знакомым. Голос был старушечьим, скрипучим, но уверенным и властным, как у человека, привыкшего добиваться своего.

Энджи зашла в раздевалку и стянула мокрую от пота одежду. Стоя под душем, она обдумывала странный звонок.

Джилли Монеган зацепила Энджи двумя словами: «расследование» и «висяк». Обещание щедрого вознаграждения стало лишь приятным бонусом.

Хотя Энджи не имела права вести расследование без лицензии частного детектива, а лицензии ей не видать, пока она не проработает установленный законом срок в каком-нибудь детективном агентстве, она решила съездить к Джилли Монеган – любопытство пересилило.

А район-то дорогой, думала Энджи, вытираясь чистым полотенцем. Открывая шкафчик, она вспоминала, что ей известно о Харлинг-Пойнт: расположен на большом мысе, далеко выдающемся в океан, исторически злачное место – раньше там торговали контрабандным спиртным, работали бани, рестораны и дансинги. Сейчас там селится финансовая аристократия и мультимиллионеры со склонностью к элегантным дизайнерским домам. Заинтригованная, Паллорино оделась, натянула кожаную куртку и забросила сумку на плечо.

Помахав на прощанье Чаю, она вышла под холодную морось. Уже начинало смеркаться – в это время года дни пасмурные и совсем короткие. Сев в машину, Энджи завела мотор и задом выехала с парковки. Она позвонила Мэддоксу через блютус, надеясь, что он еще не ушел в «Летающую свинью»: сегодня пятница, а его отделу есть что отпраздновать – они только что завершили крупное расследование.

Отдел Мэддокса задержал и предъявил обвинения серийному насильнику, нападавшему на женщин в районе Харрис-Парк последние пять месяцев. Это было знаковое событие и для отдела, и для нового мэра, и для руководства полиции, доказавшее эффективность нового комплексного подхода к расследованиям. Это была персональная заслуга Мэддокса, который лично отобрал к себе в отдел лучших детективов.

А еще это было расследование, в котором участвовала бы Энджи, останься она в управлении. Маньяки были ее специальностью. Этого негодяя должна была ловить она.

– Привет, – начала она, едва Мэддокс ответил. – Хотела тебя услышать, перед тем как вы всем отделом закатитесь праздновать в «Свинью».

Он попросил ее обождать секунду, и Энджи слушала, как Мэддокс с кем-то говорил.

– Извини, – сказал он в трубку, – заканчиваем тут по мелочам с Харрис-Парком, пока государственный обвинитель здесь. Что ты сказала?

– Ничего. Я просто хотела тебя услышать.

– Мы идем в «Свинью» на час скидок. Хочешь с нами?

– На литрбол ваш, на радость Лео и остальным? Даже не мечтай! – Паллорино замолчала, подавляя внезапную вспышку гнева и обиду оттого, что ее исключили, задвинули, не взяли, хотя не идти она решила сама. Эти старперы выдавливали ее из полиции с самого начала, и в конце концов им это удалось – по крайней мере, так считали Лео и некоторые другие. – Зачем ты меня вообще туда приглашаешь? – не удержалась она.

– Прости. Я и сам туда иду только по той причине, что…

– Потому что это твой отдел и твое расследование. Задержание серийного преступника и предъявление обвинений – действительно большая победа, обязательно отметьте. А я посмотрю «Нетфликс» и пораньше лягу спать.

– Как твои поиски работы?

Настроение у Энджи испортилось окончательно. Мэддокс снова спрашивает о ее ежедневном бесплодном марафоне, а ей снова нечего ответить.

– Обдумываю вакансию телохранителя, – сухо ответила она, останавливаясь на красный свет и включив дворники.

– Это же разъезды по несколько месяцев!

На светофоре загорелся зеленый, и Энджи тронулась с места.

– Может, и нелишне иногда выбираться из города.

Мэддокс помолчал. Когда он заговорил снова, его интонация заметно изменилась:

– Значит, свадьба и поиски дома опять откладываются.

– Совсем ненадолго! Я же вообще без работы, Мэддокс. Потом подвернется что-нибудь еще.

В трубке наступила тишина.

– Алло!

– Алло, алло. Энджи, должен быть другой вариант. Не хватайся за что попало. Мы пока можем съехаться, зажить вместе. Я в состоянии…

– Что? Обеспечивать меня?

– Разумеется.

Энджи чуть не застонала от бессилия. Худший из кошмаров – вместо полной независимости связать себя узами брака и полностью зависеть от партнера. Это означало перечеркнуть все усилия последних десяти лет.

– Мэддокс, мне нужна работа, – сказала она.

– Необязательно.

– Не соглашусь. – Она свернула на свою улицу недалеко от Внутренней гавани. – По многим причинам.

– Только не соглашайся на что-то очертя голову, поищи еще. И поговори со мной, прежде чем принимать решение. Ты прекрасный детектив, что-то обязательно подвернется. Мы что-нибудь придумаем. Вместе.

– Хорошо.

– Может, поужинаем сегодня или выпьем по бокалу?

– В другой раз, я без сил.

Снова молчание. Энджи подъехала к подземному гаражу и поднесла к сканеру карту-пропуск. Ворота начали подниматься.

– Со дня помолвки мы все меньше времени проводим вместе, – сказал наконец Мэддокс. – Я практически не вижу тебя после Наамиш.

Со дня помолвки…

Энджи стало неловко. Она действительно избегала Мэддокса. За последние три с половиной недели отношения натянулись до предела, и ей казалось, что и Мэддокс ее сторонится. Ими руководил инстинктивный страх неосторожным словом разрушить и без того хрупкие отношения. Никто из них не желал доводить до разрыва, поэтому общаться по телефону было спокойнее.

– Ты был по горло занят делом Харрис-Парка и подбором новой команды. – Это было правдой. – А мне пока особо нечем похвастаться.

От этих слов ей самой стало нестерпимо обидно.

– Отношения же не на хвастовстве строятся, Эндж.

Паллорино, вздохнув, въехала в гараж.

– Я знаю.

– Может, тогда завтра? Ты днем свободна?

– У меня… деловая встреча.

– В субботу?

– Да, одна женщина хотела поговорить о возможном расследовании.

– Она хочет тебя нанять?

– Типа того, – отозвалась Энджи, задним ходом заезжая на свое место. Это же не ложь. Вот если бы она сказала, что некая особа просит ее заняться расследованием старого дела, Мэддокс бы сразу напомнил, что предложение, конечно, заманчивое, но есть одно существенное препятствие: официально Энджи не имеет права работать без лицензии, а если хочет в будущем открыть свое агентство, то и не должна.

– А давай завтра поужинаем? – предложила она.

– Ты забыла, завтра вечером у меня встреча с Флинтом, а рано утром в воскресенье я улетаю на полицейский семинар. Меня не будет до вечера понедельника.

– Ох, черт… Точно, я забыла. Хочешь, я отвезу тебя в аэропорт?

Энджи выключила мотор «Мини-Купера». Странное сосущее ощущение обреченности возникло в животе. Она понимала, что происходит, но не могла переключить передачу и свернуть с пути, по которому они с Мэддоксом двигались все быстрее.

Мэддокс тоже явно не мог переключиться, потому что сухо сказал:

– Нет, меня отвезут. Я позвоню тебе, как долечу.

В трубке что-то пискнуло, и телефон опустел.

Глава 10

Мрачный как туча после разговора с Энджи, Мэддокс толкнул дверь и вошел в новый, недавно отделанный общий зал своего отдела. Здесь было шумно – все находились в приподнятом настроении после задержания «насильника из Харрис-Парка», серийного маньяка, который уже начал убивать. С деланым энтузиазмом Мэддокс с торжеством ткнул воздух кулаком:

– Государство предъявит ему все до единого обвинения!

Ему ответил всеобщий восторженный рев.

– Первую в «Свинье» за мой счет, – добавил Мэддокс, пробираясь через выгородки с металлическими столами к застекленному кабинету.

Но сидевший за своим столом Харви Лео сказал нарочито внятно, как актер на сцене:

– Забавно, как Паллорино по-прежнему умудряется обойти в новостях столичную полицию. Послушать репортеров, так она весь город спасла, раскопав этот скелет во мху. Всякий раз журналюги заводят старую пластинку о жестокости полиции, напоминая, как Паллорино застрелила Крестителя в припадке ярости. Дутые сенсации отвлекают внимание от реальных успехов – например, что мы взяли очередного серийного убийцу, не прикончив его при этом…

Мэддокс остановился и медленно повернулся к старому копу.

В комнате стало очень тихо, когда между Лео и Мэддоксом завязалась дуэль взглядов. Атмосфера ощутимо сгустилась. Дождь тихо барабанил по окнам, кондиционер, нагревавший комнату, потрескивал. Запах нового коврового покрытия вдруг показался заметнее.

– Вы что-то сказали, детектив Лео?

Лео переплел руки на широкой груди и откинулся на стуле, полускрытый папками с делами, которыми был завален его стол.

– Я только напоминаю, что СМИ пишут о нас, копах Виктории. Паллорино по-прежнему остается пятном на репутации управления. И делу не помогает, что у вас с ней личные отношения, сэр, потому что, при всем уважении, что бы вы ни делали как начальник отдела особо тяжких, Паллорино жерновом висит на нашей шее. Если она и дальше будет лезть в дела, которые входят в компетенцию полиции, газетчики завопят, что она получает конфиденциальную информацию через постель. Я просто говорю, что мы должны отделять личное от рабочего.

Давление росло, закручиваясь тугой пружиной в груди Мэддокса.

– Тут ты прав, Лео, – очень тихо сказал он. – Личные чувства, вроде старой вражды и зависти, надо уметь отпускать, потому что они искажают восприятие реальности и побуждают офицера полиции говорить очень глупые вещи и совершать вопиюще глупые поступки, напрашиваясь на вылет из отдела. – Мэддокс обвел взглядом присутствующих. – Позвольте напомнить, если кому непонятно – я сейчас ко всем обращаюсь, – что происходит в этом отделе и обсуждается в этой комнате, здесь и остается. – Он постучал пальцем по металлическому столу Лео, играя желваками. – Ничто – подчеркиваю, ничто не должно быть слито представителям прессы или лицам, косвенно связанным со СМИ. Текущие расследования не обсуждать ни с женами, ни с девушками, ни с парнями, ни с детьми, ни с дедушками и бабушками. Держать рот на замке, – он обвел глазами каждого сотрудника. – Это правило и для меня. Все поняли? Я не делюсь важной информацией с близким мне человеком и запрещаю это вам. Если кому-то не нравится это требование, моя персона или мои отношения с Паллорино, говорите сейчас.

Он подождал.

Тишина стала очень плотной. Кто-то двинулся на стуле, кто-то осмелился осторожно кашлянуть.

– Хорошо. Здесь все профессионалы, умеющие не смешивать личное и служебное. Я доверяю вам, а вы должны доверять мне. Если же нет… – он указал на дверь, – …выход там. У меня в резерве больше десятка детективов высшей квалификации, желающих попасть в отдел и работать в новой элитной команде, однако мы с инспектором Флинтом выбрали вас. Я поручился за вас, потому что считаю – у каждого есть необходимые качества и уникальная квалификация, незаменимые в расследовании серьезных преступлений. Если окажется, что я

ошибся, мы с вами расстанемся. Без предупреждения, без второго шанса. Понятно?

Никто не шевельнулся.

Мэддокс повернулся к старому детективу:

– А твоя квалификация, Лео, учитывая твой большой стаж работы в полиции, пригодится в новом подразделении, приказ о создании которого я подписал. Рядом как раз оборудуют комнату для допросов, иди подожди меня там.

Голубые глазки Лео дрогнули, лоб пошел морщинами, и на огрубевшем лице отразилось замешательство.

– Плохо слышно?

Лео расплел руки, взял со стола блокнот и ручку, медленно поднялся и вышел в коридор. Присутствующие проводили его взглядами.

– Хольгерсен, – сказал Мэддокс, кивнув на свой офис, – на два слова.

Хольгерсен последовал за боссом за стеклянную перегородку. Мэддокс закрыл дверь, стараясь не глядеть на фотографию Энджи на своем столе. Паллорино снова ускользала от него, почти согласившись на должность телохранителя. Он это понимал, и она это понимала, но Мэддокс не знал, что предпринять и не пора ли оставить попытки. На память пришла цитата с постера, который в детстве висел у него на стене: «Если любишь, отпусти. Если твое – вернется». Именно вторая часть не давала ему покоя: вернется ли Энджи из заграничных разъездов? Может, действительно отпустить ее и не держать?

– У меня для тебя кое-что новое, – обратился он к Хольгерсену. – В отдельное направление я выделяю «висяки» – старые нераскрытые убийства, бесследные исчезновения и тому подобное. Направлением займется небольшое подразделение, созданное в рамках нашего отдела. На это выделены деньги. Новое руководство готово пойти нам навстречу. В последнее время увеличилось политическое давление в смысле повышения раскрываемости. Возобновление следствия по старым делам с применением новейших методов и технологий, с

использованием компьютерных баз данных и с привлечением социальных сетей может дать блестящие результаты. Через несколько дней заработает особая горячая линия по старым делам, аккаунты в соцсетях и помощники. У тебя будет доступ к дополнительным ресурсам, при необходимости дадим еще людей. Со своими просьбами будешь приходить ко мне.

Мэддокс замолчал.

Хольгерсен начал переминаться с ноги на ногу. Взгляд темных глаз заметался по кабинету, как у наркомана в ломке.

– А сколько человек будет в этом подразделении?

– Для начала двое. Ты и Харви Лео.

Хольгерсен уставился на Мэддокса:

– Чего?! Вы смеетесь надо мной?

Мэддокс выдержал его взгляд.

– Ну, нет, это уж дудки! Господи, так вот зачем вы его взяли?.. Посадить на «висяки»? А мы-то обалдели, когда вы назвали Лео… А я вам зачем? Какая с меня выгода, босс? – Хольгерсен порылся в кармане, вытащил пачку никотиновой жвачки и затрещал целлофановой оберткой.

– У этого направления есть потенциал, Хольгерсен. Твоя задача просмотреть дела, не раскрытые столичной полицией, и отметить те, где есть хоть какой-то шанс. Вроде сортировки, понимаешь? Затем возьмешься за наиболее перспективные дела и получишь какие-то результаты, о которых мы сможем доложить начальству. Если будут успехи, это направление может стать целиком твоим. Мы сейчас говорим о карьерном росте.

Хольгерсену удалось выколупать жвачку из обертки, и он бросил зеленый кубик в рот, яростно жуя и решительно мотая головой.

– Работать с Харви Лео не стану! Ни за какие коврижки, блин.

Мэддокс поглядел через стекло на подчиненных, сидевших в общем зале, и понизил голос:

– Станешь. И я тебя попрошу следить за детективом Лео ястребом.

Хольгерсен замер и взглянул Мэддоксу в глаза:

– Это в каком же смысле, а? Чтобы я за ним шпионил? Вы это хотите сказать?

– Мне нужна кое-какая информация. Наблюдай, как он будет сортировать старые дела.

Хольгерсен нахмурился:

– Что-то я не догоняю.

Мэддокс взялся за ручку двери:

– Пойдем, я тебе покажу, что и как, чтобы вы начали с понедельника. Лео уже ждет.

Но Хольгерсен уперся.

– Черт… Блин… Босс, – прошептал он, – вы пошутили?

– Я совершенно серьезен.

Хольгерсен снова выругался, поковырял мыском линолеум и уставился в пол, обдумывая услышанное.

– Хранитель забытых душ, значит, – пробормотал он. – Старые дела и старая сволочь Харви Лео… – Кьель поднял голову: – Так вы объясните, в чем фокус? Что конкретно мне искать?

– Увидишь – сразу поймешь.

– Изволите мне голову морочить, сэр?

Мэддокс невесело улыбнулся.

– Если мне будет что тебе сказать, сразу скажу. Усек?

Хольгерсен наклонил голову:

– Вы что-то подозреваете, но доказательств у вас нет?

Мэддокс ничего не сказал.

– И отдел внутренних расследований уже копает? Я на них работаю, но не в курсе? Потому что если…

– Зато у тебя будут выходные, Хольгерсен. Нормальная рабочая неделя, практически без авралов.

– Я не люблю выходные!

– Ничего, полюбишь.

Глава 11

Суббота, 17 ноября

Энджи подъехала по названному адресу в Харлинг-Пойнт.

Перед ней был современный особняк четких линий – много стекла и колючих на вид растений, составлявших довольно неприветливый ландшафтный дизайн. Ранние сумерки усиливали гнетущее впечатление. Энджи, невольно заинтригованная, опустила стекло и потянулась к кнопке интеркома на одном из

каменных столбов по обе стороны ворот.

Найти в Интернете информацию о Джилли Монеган оказалось проще простого – Энджи сразу поняла, откуда ей знакома эта фамилия. Монеган несколько десятилетий была судьей верховного суда Британской Колумбии, и писали о ней очень много.

Всю свою долгую карьеру судья Монеган отличалась дерзостью и прямодушием. В СМИ поднялась настоящая буря, когда Джилли Монеган вызвали в федеральный канадский совет судей в связи с ее недопустимым поведением: во время заседания суда Джилли то и дело оговаривалась, называя истицу обвиняемой (слушалось дело о домашнем насилии), и без обиняков спросила, почему та не ушла от мужа, узнав о своей беременности, раз он неоднократно избивал ее за годы брака. Это вызвало различные спекуляции – дескать, в силу преклонного возраста Монеган страдает старческой деменцией, но Джилли не стала дожидаться продолжения и подала в отставку в день своего семидесятипятилетия.

Энджи нажала кнопку интеркома.

– Кто это? – послышался женский голос.

– Энджи Паллорино к судье Монеган.

Ворота начали раздвигаться. Энджи подняла стекло и медленно двинулась по аллее. Створки ворот сразу поехали обратно. Дверь особняка открыла дебелая седовласая дама.

Энджи выбралась из машины, нагибая голову от дождя.

– Я Гудрун Реймер, – представилась женщина, протянув руку. – Экономка судьи Монеган.

Энджи поразилась силе ее рукопожатия, отметив грубые, шершавые руки, очень коротко подстриженные ногти без всякого маникюра. Немецкий акцент.

– Вы приехали рано, – констатировала Гудрун.

– На четыре минуты, – отозвалась Энджи, взглянув на часы.

– Судья Монеган примет вас через четыре минуты. Она весьма пунктуальна. Сейчас середина отлива, и у нее моцион на пляже. Но вы проходите. Можете подождать ее на террасе. Разуваться не надо, пальто не снимайте.

«Есть, мэм», – подумала Паллорино, проходя за Гудрун через маленькую прихожую в неожиданно стильную гостиную открытой планировки. Белые стены и кремовая мебель контрастировали с черными кожаными диванами и креслами, выгодно оттеняя сполохи неоново-ярких красок на явных подлинниках современного искусства. Стена, обращенная к морю, была прозрачной, и Энджи с тоской представила, какой великолепный вид открывается в хорошую погоду на пролив Хуан-де-Фука и заснеженные горные пики живописного американского полуострова Олимпик.

Гудрун отодвинула стеклянную дверь, и Энджи вышла на террасу, подойдя к перилам. Дом состоял из трех уровней, и с верхней террасы можно было видеть другую, с панорамным бассейном.

– Вот она идет, – сказала Гудрун из гостиной.

Энджи поглядела в ту сторону, куда указывала экономка. Далеко внизу сгорбленная фигурка, наклонившись против ветра и дождя, продвигалась по песку, помогая себе двумя тростями. Ветер рвал полы коричневого пальто. Зрелище напомнило Энджи жука-скарабея, упорно катящего свой шар под низким грозовым небом. Старая судья бросала вызов и непогоде, и бремени лет.

Вид одинокой старухи, борющейся с ветром на берегу бескрайнего серого океана, тронул в душе Энджи чувствительную струнку: Монеган уже за восемьдесят… Старуха доковыляла до первой ступеньки, и Энджи обернулась к Гудрун:

– Лестница какая длинная. Разве вы ей не поможете?

– Ей осталось только войти в лифт. Судья Монеган очень независимая натура. Если ей понадобится помощь, она попросит. Заходите в гостиную и позвольте принять у вас пальто, я сейчас сделаю чай.

Усадив Энджи на диван, Гудрун вышла.

Любуясь океаном, Паллорино мельком взглянула на часы. Четверть пятого.

– Здравствуйте, Анджела!

Подскочив как ужаленная, Энджи обернулась. Судья успела сменить пальто и сапоги на широкий свитер и тапочки и передвигалась по гостиной с яростью на лице. Однако Энджи, видевшая, как старуха гуляла по берегу, читала ее истинные эмоции – предельное напряжение сил против боли, желание не поддаться старческой немощи. У судьи Монеган была своя гордость – Энджи ее даже зауважала. Она будто заглянула в душу Джилли Монеган, а уж Паллорино хорошо знала, что такое боль и гордость… и страх показать свою слабость.

– Энджи, – поправила она, шагнув вперед и выставив руку. – Энджи Паллорино, не Анджела.

– Разумеется. – Старуха крепко, по-мужски пожала ей руку, ввинтившись глазками в лицо Энджи. – Очень приятно познакомиться с вами лично. В газетах и по телевизору вы выглядите хуже. Садитесь. Гудрун сейчас принесет чай. Или вы предпочитаете кофе?

– Я буду то же, что и вы.

– Тогда чай. – Судья вздрогнула от боли, опустившись на стул, стоящий диагонально от дивана, за стеклянным кофейным столиком. Появилась Гудрун с подносом, разлила чай в фарфоровые чашки и выставила блюдо имбирного печенья. Очень в духе старой Виктории – британские колониальные традиции здесь еще живы. Файф-о-клок в отеле «Фэрмонт Эмпресс» во Внутренней гавани вызывает восторг у американских туристов, как и «премилые старинные лавочки» и прочая британская специфика исторических кварталов. Из шкафа на другом конце гостиной Гудрун принесла обтянутую черной кожей коробку для хранения документов и поставила на пол возле стула судьи.

Поднеся чашку к губам слегка дрожащей рукой, Джилли Монеган сделала маленький глоток, пристально глядя на Гудрун, пока экономка не вышла из комнаты. Затем судья сказала:

– Перейду сразу к существу вопроса. Я хочу нанять вас расследовать старое дело, так называемый висяк.

– Я уже сказала по телефону – я сейчас не берусь за расследования.

– Однако вы приехали.

Энджи осмелилась сесть чуть поудобнее.

– Признаюсь, мне стало любопытно.

Судья чуть улыбнулась.

– Любопытство как приоткрытая форточка. Мне осталось выкрутить вам руку и втолкнуть в окно.

Энджи открыла рот, но судья покачала головой:

– Подождите. Дослушайте меня до конца. Двадцать четыре года назад моя внучка Жасмин Гулати отправилась на рыбалку в составе чисто женской группы. Всего девять туристок и двое проводников-мужчин. Жасмин тогда было двадцать пять лет, она училась в магистратуре Университета Виктория, специальность – английская литература. И страстно увлекалась ловлей нахлыстом – отец приохотил, мой зять.

Наклонившись, Джилли Монеган поставила чашку с блюдцем на стол, мелко позвякивая фарфором.

– Поездку организовала некая Рейчел Харт, тоже заядлая удильщица и кинооператор. Она снимала документальный репортаж об этой поездке, хотела потом сделать фильм, рабочее название – «Женщины в потоке». Спонсорами выступали журнал «Активный отдых» и компания «Кинабулу», производитель экипировки для «тихих» видов спорта, – судья показала кавычки, – к коим относятся альпинизм, бег по пересеченной местности, рыбная ловля, серфинг и лыжи. Во время той поездки моя Жасмин пропала.

Судья Монеган помолчала, значительно глядя Энджи в глаза.

– В последний раз ее видели с удочкой чуть выше водопада Планж на реке Наамиш, когда до конца поездки оставалось менее суток. Она удила одна в маленькой бухте вблизи водопада. По официальной версии, она поскользнулась на мокрых камнях и упала в реку. Тело так не нашли.

По спине Энджи пробежала дрожь.

– Вы сказали, Наамиш? – повторила она.

Судья наклонила голову, разглядывая Энджи.

– Я видела вас в новостях, – проговорила она. – Человеческие останки в той неглубокой могиле – это моя Жасмин.

Энджи невольно подалась вперед, поставив чашку с блюдцем на стол:

– Как, уже установили личность?

– Анализ ДНК, зубная карта и найденные украшения подтвердили, что это моя пропавшая внучка. Вчера утром мне позвонили из коронерской службы. – Джилли Монеган снова замолчала, не сводя глаз с собеседницы. Энджи показалось, будто с ней ведут какую-то непонятную игру.

– Значит, вы увидели меня в новостях и решили мне позвонить?

– Я твердо верю, что случайностей не бывает, Анджела. Нельзя упускать представляющиеся возможности. Вы ее нашли. Вы детектив. Вы приехали ко мне.

– Ее нашла не я.

– Знаю, знаю, – отмахнулась судья. – Но вы поехали на ту же реку, что и моя Жасмин. Вы остановились в том же лодже, что и она со своими восемью товарками. Вы жили в палатках на том же берегу. Вы оказались на реке в тот самый час, когда собака грибника разрыла могилу Жасмин спустя столько лет. Грибник позвал на помощь, и вы откликнулись. Вы видели ее в земле, ее кости.

Вы же видели ее собственными глазами! – Старуха помолчала, стараясь отдышаться и, видимо, успокоиться. – Мне кажется, между вами и моей Жасмин возникла некая незримая связь. Я ведь кое-что знаю о вас из новостей, Анджела.

– Энджи, – тихо поправила Паллорино.

– Разумеется. Энджи. На основании имеющейся у меня информации о вашем прошлом я делаю вывод, что вы обладаете всеми необходимыми качествами, чтобы ответить на мой вопрос – что же произошло с Жасмин на реке двадцать четыре года назад.

Энджи смотрела на старуху с неловкостью и недоверием.

– А что такого вы знаете о моем прошлом?

– Я смотрела новости по телевизору и пристально следила за статьями в прессе. Меня заинтриговала ваша история с «ангельской колыбелью» и с убийством Крестителя. Вы расследовали свое собственное старое дело, установили личность своего биологического отца. Я с нетерпением ожидаю суда над ним и уже заказала вашу неавторизованную биографию пера Грабловски… – Старуха подалась вперед. – Все это, – она махнула рукой в сторону стеклянной стены, будто обозначив информацию, крывшуюся в неведомых далях за океаном, – говорит об одном: вы упрямы. Когда вы чего-то ходите, вы идете по следу, не теряя из виду цели, не давая себя сбить. Вы не пасуете перед трудностями и добиваетесь своего… – Она помолчала, глядя на Энджи. – Вы мне нравитесь.

Энджи моргнула.

– Вы питбуль. А я люблю питбулей.

Энджи неловко кашлянула.

– Вы говорите, что вашу внучку…

– Жасмин. Давайте называть ее по имени.

– Вы сказали, что Жасмин в последний раз видели с удочкой недалеко от водопада Планж, где действительно ничего не стоит сорваться в реку?

– Верно.

– И после поисков ее официально признали утонувшей?

– Да.

– Тогда какие могут быть вопросы о том, что произошло двадцать четыре года назад?

Энджи еще не договорила, когда несообразность стала очевидна ей самой: если внучка судьи погибла в реке, почему ее останки нашли в неглубокой могиле почти за двести метров от берега?

Судья Монеган взяла имбирное печенье и откусила. Тщательно прожевав, она проглотила кусок и вытерла губы салфеткой.

– Я вам сейчас кое-что покажу. – Из обтянутой кожей коробки у стула Джилли вынула папку, а за ней фотографию в рамке. Папку она положила на стол, а фотографию протянула Энджи.

Крупным планом была снята красивая девушка – гладкая смуглая кожа, блестящие темные глаза с густыми ресницами. Широкая белозубая улыбка – хоть на рекламу зубной пасты. Темные волосы густым плащом покрывают хрупкие плечи. На девушке непромокаемый полукомбинезон и жилет со множеством карманов; в руке удилище для ловли нахлыстом.

– Обратите внимание на браслет, – попросила старая судья.

Энджи пригляделась и с забившимся сердцем узнала тот самый почерневший, облепленный грязью, показавшийся металлической деталью круглый браслет, который лежал во мху рядом с длинной изглоданной костью.

– Вот так он выглядел, когда был новым. – Из папки на столе Джилли Монеган достала фотографию и пододвинула по стеклу. – Этот серебряный браслет я

купила для Жасмин в Египте. Он ей идеально подошел и застегивался на надежный замочек. Поэтому, наверное, и остался на руке, когда Жасмин унесло в водопад. Браслет был найден рядом с костями – это стало первым доказательством того, что останки могут принадлежать Жасмин. И это тоже нашлось в могиле. – Судья достала новую фотографию и пододвинула Энджи. – Так и осталось на пальце – вернее, на косточке безымянного пальца.

– Кольцо в знак помолвки, – медленно произнесла Паллорино, рассматривая снимок. Ей вдруг стало жарко при мысли о собственном бриллиантовом кольце. Она сняла цепочку перед занятием у Чая Буя и спрятала в бардачок «Мини-Купера». И совершенно забыла! Энджи мысленно поставила галочку проверить, на месте ли кольцо, как только вернется к машине.

– Это мой первый вопрос.

Энджи, будто очнувшись, вскинула глаза:

– Какой?

– Действительно ли это помолвочное кольцо. Украшения пока у коронера – останки Жасмин еще не выдали, официальное заключение не готово. Но у меня остались связи, и я смогла достать копию предварительного отчета патологоанатома. – Судья указала на фотографию, которую держала Энджи: – Бриллианты настоящие, очень чистой воды. Весьма дорогое кольцо. Я бы хотела знать, откуда оно у Жасмин, кто мог ей подарить. Или она купила его сама?

– У нее с кем-то был роман?

– Об этом не знали ни ее родители, ни я. Близкие подруги тоже были не в курсе. Когда Жасмин пропала, никто не объявился, не начал ее искать.

– Так, может, она и правда сама купила кольцо?

– Это я и хочу выяснить. Второй вопрос: где ее дневник? Жасмин шагу не могла ступить без своего дневника, она описывала буквально все. Прирожденная писательница, дневники вела с девяти лет… Вот и здесь на фотографии она с дневником в руке. – Джилли достала из коробки новый снимок и подала Энджи. –

Это они на стоянке во второй день поездки.

Весело смеющаяся Жасмин Гулати сидела на бревне, держа фиолетовую книжечку. Позади нее и рядом стояли и сидели еще восемь туристок разного возраста. Младшей на вид не было и пятнадцати, а самой старшей – минимум семьдесят. Справа и слева от бревна стояли двое мужчин: один долговязый, с рыжеватыми волосами, другой значительно ниже ростом и сложен как рестлер, с шапкой густых черных волос и ухоженной черной бородкой. Глаза зеленые, пристальные. Человек показался Энджи странно знакомым.

– А это не молодой ли Гаррисон Толлет? – спросила она, показывая на брюнета.

– Да, проводника звали именно так.

– Он теперь владелец и управляющий лоджа «Хищник», – произнесла Энджи. – Нашим проводником была Клэр, его дочь.

Джилли Монеган пристально поглядела на нее:

– Видите? Я не ошиблась, выбрав вас!

– А второй кто?

– Джесси Кармана.

– Кармана?! Нашим вторым проводником был Хью Кармана. Они родственники?

– Понятия не имею.

– Возле лоджа есть озеро Кармана – мне сказали, названо в честь семьи, которая поселилась в лесу много лет назад… А кто делал снимок?

– Думаю, жена Гаррисона Толлета.

– Она тоже участвовала в поездке?

– Нет, только привозила какие-то припасы раз или два.

Энджи положила снимки на стол.

– Итак, вы хотите знать, откуда у Жасмин кольцо и куда делся ее дневник?

– У меня есть список вещей, которые вернули ее родителям, – дневника там нет. У меня впечатление, что Жасмин что-то скрывала. Наверное, у нее действительно был любимый мужчина. Я хочу знать, почему он ни разу не пришел к нам, когда она пропала. Я хочу выяснить, как моя внучка прожила свои последние месяцы. И я хочу точно знать, каким образом она угодила в этот водопад.

Энджи некоторое время смотрела на старую судью. Ветер хлестал дождем по большим окнам, забрасывая стекла крупными брызгами.

– То есть вы не верите, что это был несчастный случай?

– Не верю.

– Знаете, я много раз сталкивалась с тем, что людям трудно принять жестокую правду. Некоторым обязательно нужно кого-то обвинить…

– Нет. – Джилли Монеган подалась вперед. Ее взгляд стал зорким и каким-то горящим, как у орла. – Здесь не тот случай. Когда я узнала, что в лесной могиле Жасмин, я достала эту коробку и перебрала содержимое. Я сделала это впервые – коробка попала ко мне семь лет назад, когда в аварии погибли моя дочь и зять. На тот момент от Жасмин не было вестей почти двадцать лет. Я не очень и вспоминала об этом, пока не увидела новости и коронер не подтвердил, что это останки моей внучки. Здесь копии оригинальных допросов свидетелей, в том числе участниц той поездки, отчет о поисковой операции, когда искали тело Жасмин, другие снимки. Так вот, сейчас, просматривая материалы, я чувствую неуловимую странность.

– Ну, чувство к делу не пришьешь…

– О, только не говорите, что вы ни разу не слушались подсказок интуиции и не следовали чутью детектива! Не надо меня убеждать, что у хороших сыщиков не развивается шестого чувства, которое подсказывает – здесь что-то неладно или кто-то что-то скрывает. Даже если я ошибаюсь, я единственная родственница Жасмин. Ее исчезновение едва не прикончило мою дочь и ее брак. Я хочу получить ответы, прежде чем упокоить останки с миром… – Старуха помолчала. – Коль скоро вы воссоздадите для меня подробную картину последних месяцев Жасмин и круга ее общения, коль скоро вы побеседуете с теми, кто имел отношение к той поездке и покамест в добром здравии, коль скоро вы постараетесь найти ее дневник и установить личность гипотетического жениха, я готова заплатить… – Джилли Монеган написала несколько цифр на листке, сложила его пополам и пододвинула по столу вместе с подписанным чеком.

Энджи взяла листок и развернула. Судья, следившая за ней, пояснила:

– Первая сумма – аванс, предварительный гонорар. Вторая сумма – почасовая оплата, если я останусь довольна вашими успехами. Третья сумма – бонус в том случае, если меня устроят результаты.

Слушая Джилли Монеган, Энджи последовательно опускала взгляд на все три строчки, а затем взглянула на сумму в чеке. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы не ахнуть и не вытаращить глаза.

– Это означало бы воспользоваться вашей ситуацией, – сказала она, аккуратно складывая листок.

Судья выставила ладони, когда Энджи попробовала отдать ей бумагу.

– Нет. Это я желаю воспользоваться вашим опытом и временем и могу себе позволить подобный каприз. Отнеситесь снисходительно к моей просьбе, Анджела. Побалуйте старуху ответами, прежде чем она умрет.

– Но я не имею права! По закону вы не можете нанять меня напрямую. Мне правда очень жаль.

– Забирайте чек, коробку, отчеты и придумайте способ! – Хрустнув суставами, старуха поднялась на ноги, вздрогнув и схватившись за поясницу.

– Фильм-то в итоге вышел? – спросила Энджи.

– Что?

– Документальный?

– Какой документальный фильм?!

– «Женщины в потоке», который Рейчел Харт снимала на реке?

Судья вдруг смешалась. В ее глазах плеснулся страх.

– Гудрун! Где вы?

Экономка поспешно вбежала в гостиную.

– Покажите… гм… миз Палло… Паллоридио выход. Проследите, чтобы она взяла коробку с собой. – Судья неожиданно резво поковыляла к двери в другую комнату. – Если у вас возникнут вопросы, Анджела, звоните.

На ходу она запела – сперва тихо, затем почти с оперной громкостью. Голос у нее оказался изумительный. Энджи, окаменев, смотрела в спину Джилли Монеган, узнав песню об объятиях ангела, несущих утешение.

– Песня о ребенке из «ангельской колыбели», – подсказала Гудрун, когда старуха скрылась за дверью.

Энджи с недоумением обернулась к экономке.

– Она теряет рассудок, – пояснила та. – Когда устает, память словно выключается. Ужасно для женщины с таким мощным интеллектом. Ей скучно. У нее есть деньги. Выполните ее просьбу.

– То есть послужить ей платным развлечением?

– Есть вещи и похуже, – пожала плечами Гудрун. – Безработица, например.

Значит, подслушивала под дверью.

Собрав фотографии и папки, Гудрун подхватила коробку:

– Пойдемте, я вас провожу.

Она несла коробку до самой двери.

В прихожей, пока Энджи надевала пальто, экономка добавила:

– Рейчел Харт, режиссер, еще жива, если вам интересно. Ей за семьдесят, живет в Метчосине. В отчетах спасателей и коронера есть список всех участниц рыбалки. А документальный фильм так и не увидел свет – после трагедии спонсоры прикрыли проект. Пожалуйста, займитесь этим делом. – И Гудрун протянула Энджи коробку.

* * *

Сев в машину, Паллорино завела мотор, включила кондиционер, чтобы высохли запотевшие окна, и кинулась перебирать содержимое бардачка. Она испытала несказанное облегчение, найдя бриллиантовое кольцо на месте. Глядя на него, Паллорино подумала о Мэддоксе и последнем телефонном разговоре, и ее вдруг охватила острая тревога.

Снова надев цепочку с кольцом, она поколебалась, сжимая подарок. Ей хотелось позвонить Мэддоксу и вместе с тем не очень хотелось с ним говорить.

Она переключила передачу и тронула «Мини-Купер» с места, решив дождаться возвращения Мэддокса. Им обоим нужно прийти в себя. Ей еще предстоит что-то решать с вакансией телохранителя поп-дивы. О том, чтобы воспользоваться предложением старой Джилли Монеган, Энджи даже не думала.

Во-первых, это незаконно, а Паллорино не желала ненароком перечеркнуть свое будущее. Во-вторых, у нее есть гордость – она профессиональный детектив, а не

девчонка на побегушках. В-третьих, брать деньги со старухи, теряющей разум, было как-то противно.

Но, выезжая за ворота владения Монеган, она невольно покосилась на кожаную коробку на сиденье.

Пожалуй, можно полистать эти папки, чтобы отвлечься от собственных проблем. Все равно субботний вечер ей предстояло провести одной и дома.

Глава 12

Самодельная белая доска, которую Энджи десять месяцев назад соорудила на стене своей квартиры, еще была на месте, и компьютер с принтером стояли рядом. Энджи разложила содержимое коробки Джилли Монеган на обеденном столе, охваченная знакомым азартом, как в начале каждого расследования. Да, работа заставляла ее забывать обо всем.

Сверху лежал отчет коронера по делу об исчезновении Жасмин Гулати. Еще в коробке нашелся полицейский рапорт с показаниями свидетелей и отчет о поисковой операции тела Жасмин.

Отложив документы в сторону, Энджи вынула стопку фотографий и начала выкладывать их в ряд. Вот Жасмин Гулати крупным планом – совсем еще молоденькая девушка. По фамилии Гулати Энджи предположила, что зять судьи Монеган был родом из Южной Азии.

Нашлись и групповые снимки девяти участниц рыбалки. Вот они смеются, стоя перед бревенчатым домом с вывеской «Крюк и промах». На обороте снимка надпись: «День первый. Сбор в Порт-Феррисе», а ниже список туристок: Рейчел Харт, Иден Харт, Триш Шаттак, Уиллоу Макдоннел, Жасмин Гулати, Айрин Маллард, Донна Джилл, Кэти Дейли, Ханна Вогель.

Энджи снова перевернула снимок, вглядываясь в лица и гадая – может, девочка-подросток и есть Иден Харт, дочь Рейчел? На другие снимки попали проводники группы – Гаррисон Толлет и Джесси Кармана.

На последней фотографии Жасмин и две ее ровесницы позировали в бикини на каком-то солнечном пляже. Этих девушек не было среди любительниц рыбной ловли. Перевернув снимок, Паллорино прочла: «Три amigas[1 - Подруги (исп.). (Здесь и далее примечания переводчика.)] – Жасмин Гулати, Миа Смит и Софи Синович. Остров Хорнби, лето 1993».

Взглянув на часы, Энджи удивилась, но не огорчилась: дело действительно обещало отвлечь и увлечь. Почувствовав голод, она отложила фотографии и ушла на кухню разогревать в микроволновке остатки обеда из ресторана Марио.

В ожидании она открыла бутылку мерло, оставленную Мэддоксом у нее в квартире. Она включила газовый обогреватель и, когда еда была готова, устроила себе ужин с вином, устроившись на диване с отчетами коронера и спасателей. Она пробегала глазами страницы, отправляя в рот полные вилки пасты и потягивая вино. Через балюстраду балкона свистел ветер, тягучая сирена маяка ревела над заливом, но Энджи было уютно и хорошо.

Согласно показаниям свидетелей, записанным полицией Порт-Ферриса, группа из девяти женщин с двумя проводниками вытащили лодки на берег у стоянки выше водопада Планж. Шел предпоследний вечер поездки. В том самом лагере ночевали и Энджи с Мэддоксом, прежде чем объехать водопад по лесной дороге и вновь попытать рыболовного счастья ниже по течению, где Наамиш становилась шире и спокойнее. Именно там из леса на берег выбежал запыхавшийся Бадж Харгривс, зовя на помощь.

Согласно показаниям туристок, Жасмин Гулати объявила остальным, что нашла местечко с хорошим клевом – маленькую бухточку чуть дальше по реке, где течение сворачивает к берегу, и хочет несколько раз забросить удочку, пока не стемнело. Жасмин ушла из лагеря в полном снаряжении. Толлет и Кармана разожгли костер и, когда туристки уселись поближе к огню с напитками, ушли в лес за дровами.

Вскоре Гаррисон Толлет, собиравший хворост вдоль каменистой осыпи, увидел внизу женщину, в которой узнал Жасмин, отчаянно боровшуюся с течением, но сорвавшуюся в водопад. Джесси Кармана находился ниже по склону, ему вид на реку загораживали деревья. Гаррисон Толлет крикнул Джесси Кармана, чтобы тот вызвал помощь, и Кармана побежал в лагерь, где остался радиопередатчик. Сам Толлет спустился по осыпи и с риском для жизни одолел почти отвесную скалу у водопада, чтобы поискать Гулати внизу.

Кармана вызвал по радио помощь. Когда прибыла полиция со спасателями и волонтерами, уже стемнело. Ночью тело искали при свете охотничьих фонарей по берегам Наамиш ниже водопада. С рассветом поиски повели активнее, привлекли кинологов с поисковыми собаками. Удалось найти жилет Гулати и маленькую серебряную коробочку с мушками-наживками.

В конце концов спасательная миссия плавно перетекла в поиски тела, но больше никаких следов Гулати обнаружить не удалось.

Пришла и прошла зима, растаял снег, и когда уровень воды в Наамиш понизился, были организованы новые поиски, тоже закончившиеся ничем. Дальнейшие попытки были прекращены. Коронерская служба вынесла вердикт, что Жасмин Гулати утонула в результате несчастного случая.

В отчете особо подчеркивалось, что за пятнадцать лет до трагедии с Гулати в Планже погибли пять человек. Две смерти признали несчастными случаями, в трех остальных не исключалось самоубийство. Видимо, этот водопад считался у местных лучшим местом для подобных демаршей. Три тела из пяти так и не были найдены. Масса падающей воды огромна, а у подножия водопада имелись подводные пещеры, которые дайверы не могли обследовать без риска для себя.

Удилище Жасмин Гулати нашли на очень скользком участке каменистого берега, где, по ее словам, она собиралась ловить форель. На зеленой слизи, которой обросли камни у кромки воды, остались следы соскользнувших подошв.

Энджи взяла бокал и отпила вина. Из отчета явствовало, что произошел простой несчастный случай – Жасмин Гулати упала в реку. Она была в непромокаемом комбинезоне, который наверняка быстро наполнился водой. Река очень холодная – Наамиш питают тающие ледники, и течение местами очень быстрое. Даже хорошего пловца в этих обстоятельствах неминуемо затащит к водопаду.

У подножия водопада масса падающей воды должна удерживать тело у дна. Возможно, Жасмин за что-то зацепилась и осталась в ледяной воде, где разложения почти не происходит. Но отчего она всплыла и каким образом оказалась в неглубокой могиле, едва присыпанная землей, в двухстах метрах от берега Наамиш?

Энджи отставила бокал и взялась за недавний отчет патологоанатома, исследовавшего останки из лесного захоронения.

Все находки были сперва тщательно описаны на месте, затем останки извлекли из земли и перевезли в морг. Так как труп был скелетирован, вскрытие больше напоминало антропологическое исследование, и проводили его патологоанатом и антрополог.

Одежда и иные предметы, найденные рядом с останками, были описаны, в том числе кольцо и браслет, и сфотографированы до и после очистки.

В описании кольца было сказано – белого золота, с крупным бриллиантом огранки «принцесса», окруженным мелкими бриллиантиками. Энджи внимательно рассмотрела отмытое кольцо. Дизайн, безусловно, как у классического помолвочного кольца, но мало ли что… Однако кольцо было на безымянном пальце левой руки покойной… Энджи невольно потрогала свое кольцо, висевшее на цепочке.

На серебряном браслете можно было различить египетский орнамент, что согласовывалось с заявлением Джилли Монеган о месте покупки подарка для внучки.

Единственным предметом одежды, не разложившимся в кислой лесной почве, оказался неопреновый рыбацкий погрудный полукомбинезон с бахилами, марки «Кинабулу». В отчете значилось, что компания «Кинабулу» была спонсором поездки и предоставила всем участницам и проводникам фирменную экипировку вместе с шерстяными шапками, болотными сапогами, флисовыми жилетами и непромокаемыми куртками.

Перевернув страницу, Энджи продолжала жадно читать. Согласно отчету, комбинезон оказался из неопрена – полихлоропрена, синтетической резины, получаемой при полимеризации хлоропрена. Материал отличается хорошей химической стабильностью и сохраняет гибкость при большом диапазоне температур. Комбинезон толщиной пять миллиметров, сапоги комбинезона из резины с гортексом. В отчете подчеркивалось, что и гортекс, и неопрен не подвержены естественному разложению.

Энджи рассмотрела фотографию подошв – хорошие протекторы с глубокими бороздами. Однако они не спасли Жасмин, поскользнувшуюся на камнях у кромки воды.

Наконец пришел черед фотографии останков, разложенных на металлическом столе морга в анатомической позиции. Все кости сосчитаны; не принадлежащие к данным останкам фрагменты, включая скелеты мелких грызунов, отделены. В отчете упомянуты нарушения целостности костей, включая винтообразный перелом левого плеча, типичный при выкручивании рук. Признаков заживления не отмечено, стало быть, травма имела место незадолго до наступления смерти. Сорвавшись в водопад, Жасмин Гулати вполне могла сломать руку.

Радиография выявила небольшие углубления на дорсальной поверхности лобковой кости ближе к лонному сочленению. Паллорино с интересом подалась вперед, читая отчет: «Считается, что наличие подобных следов свидетельствует о доношенной беременности, однако количество и размер углублений не обнаруживают прямой корреляции с беременностью. Современные исследования доказывают, что подобные изменения костной ткани встречаются и у мужчин, и у нерожавших женщин».

Энджи прикусила щеку изнутри, напряженно думая. Судья Монеган сказала, что является последней оставшейся в живых родственницей Жасмин. Но если у Гулати был ребенок, то где он? Энджи схватила блокнот и быстро записала: «Жасмин рожала? Если да, что сталось с ребенком?», после чего вновь взялась за отчет. Антрополог описал и аномалию левого плечевого сустава, возникшую, вероятно, вследствие нелеченого вывиха плеча. Энджи нахмурилась. Вывихнутое плечо, которое не вправили как полагается, причиняло бы постоянную боль. Это же сильнейший дискомфорт! Странно, что девушка из богатой семьи не получила своевременную и качественную медицинскую помощь.

Энджи записала в блокноте: «Привычный вывих плеча – при каких обстоятельствах? Детская травма?»

Перевернув страницу, она рассмотрела фотографию проломленного черепа.

Травма нанесена тупым орудием… Ну да, от круглого углубления размером с мяч для гольфа разошлись мелкие трещины… Наружная пластинка свода черепа

проломлена, а внутренняя пластинка компактного вещества лишь вмята внутрь. Перелом по типу «зеленой ветки» – это Энджи запомнила после расследования дела об убийстве, когда орудием преступления послужил молоток.

Согласно заключению антрополога, вероятной причиной смерти явилась черепно-мозговая травма. Если только Гулати сперва не захлебнулась, подумала Энджи. Или все произошло одновременно, если, допустим, Жасмин сорвалась в водопад головой вперед и размозжила череп об острый выступ скалы.

Взяв бокал, Энджи откинулась на спинку дивана, рассеянно потягивая вино и представляя возможный сценарий. Вот Жасмин забрасывает удочку, стоя у кромки воды в непромокаемом комбинезоне и специальных сапогах. От сильного замаха она теряет равновесие и поскальзывается на осклизлых камнях. Она роняет удилище, подошвы сапог сдирают зеленую слизь с камней, девушка падает в реку, погрудный комбинезон быстро заполняется ледяной водой и тянет ее ко дну, где коварное течение не дает ей всплыть и все быстрее тащит к обрыву, где ревет водопад. Жасмин летит вниз головой вперед и бьется о камни, получая описанные в отчете травмы. Затем ее топит огромная масса падающей воды, буквально вдавливая в одну из подводных пещер, где тело остается несколько лет. Затем в какой-то момент давление воды и характер течения меняются, и утопленница всплывает. Но тогда Жасмин выбросило бы на берег в широкой дельте Наамиш.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подруги (исп.). (Здесь и далее примечания переводчика.)

Купить: https://tellnovel.com/uayt_loret/devushka-v-temnoy-reke

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити